

Судьба

Лауреат в номинации
"Выступления в защиту прав человека"

Спецвыпуск • Апрель 2015 г.

www.gazetasudba.ru

70 лет БЕЗ ВОЙНЫ...

Улан-Удэ, проспект Победы, у мемориала Славы
Из альбома Н.Н.Ефимова «И помнит мир спасённый...
Победители – солдаты Великой войны»

О нашем конкурсе

Уважаемые читатели!
В связи с подготовкой к юбилею Великой Победы Совет ветеранов Республики Бурятия и редакция газеты «Судьба» при поддержке Министерства образования и науки нашей республики 1 апреля 2014 г. объявили конкурс на тему «Рассказывают дети войны». Этот конкурс стал как бы продолжением конкурса «Послушайте ветерана». Статьи, воспоминания, даже стихи, фотографии и документы военных лет по сей день поступают в Совет ветеранов республики. Несмотря на то, что конкурс называется «Рассказывают дети войны» поступило немало материалов по теме «О детях войны». Организаторы конкурса решили принять к рассмотрению и эти материалы.

Кто такие дети войны? Это пожилые люди, которые, в малолетнем и подростковым возрасте пережили войну. Сегодня им от семидесяти до восьмидесяти семи лет. Возраст, конечно, достойный уважения и всяческой поддержки. Поэтому о своих дедах и бабушках рассказывают внуки и правнуки, а также люди, которые уважают своих знакомых, близких и родных, убеленных сединами аксакалов. Ветеранам есть что сказать накануне юбилея Великой Победы. Нельзя без волнения читать поступившие на конкурс материалы. Наш первый выпуск «Судьбы» с материалами конкурса читался со слезами на глазах, на память приходили события тех лет, невысказанные до начала той страшной войны лишения - голод, холод, гибель и смерть родных, невероятное напряжение физических и духовных сил в единодушном, всенародном порыве «Все для фронта, все для победы!», массовое участие детей в самоотверженной борьбе за победу – все это вызывает чувство гордости за наш великий народ, чувство сыновней благодарности тем поколениям, которые разгромили врага.

В воспоминаниях есть сообщение о том, как одиннадцатилетний мальчик возил бензин, соль, муку на лошадях в далекую Оку и доставлял свой груз на четвертый день со дня выезда. Достоин удивления и факт о том, что в школе, где не осталось ни одного мужчины, двенадцатилетний семиклассник взял на себя обязанности директора школы, организовал вместе с одноклассниками ремонт школы и доставку дров из леса для отопления школы. Такие факты без содрогания души, без слез невозможно читать. Все это говорит, что весь народ, и стар и мал, встал на защиту родной страны, каждый старался быть защитником и достойным гражданином Отечества.

Материалы печатаются в порядке поступления в конкурсную комиссию Совета ветеранов Республики Бурятия по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, д. 30, офис 207 и 209.

Ревомир ГАРМАЕВ
Председатель Совета ветеранов
Республики Бурятия,
председатель
конкурсной комиссии

Этот глубокий – глубокий тыл...

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ АССР С НАСЕЛЕНИЕМ ВДВОЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ, НАПРАВИЛА НА ФРОНТ 120 ТЫСЯЧ СВОИХ ОТЦОВ, МУЖЕЙ И СЫНОВЕЙ.

МНОГИЕ ИЗ НИХ НЕ ВЕРНУЛИСЬ...

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ ОСТАВАЛИСЬ, В ОСНОВНОМ, ЖЕНЩИНЫ, СТАРИКИ, ПОДРОСТКИ И ДЕТИ

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Нас три сестры, мы дети войны. Старшая - Тамара, 1938 года рождения, Галина - рождения 1939 года и я - Полина с 1941 года. Наши родители - Курдюков Георгий Афанасьевич и Лукерья Павловна работали пчеловодами в колхозе, мы жили тогда в с. Тарбагатай. Когда отец ушел на фронт, мне было всего 4 месяца. Все наше раннее детство проходило в военные годы. Постоянные разговоры взрослых о событиях на фронте, о письмах с фронта, о посылках на фронт, о займах для фрон-

школу на елку, какая она была нарядная, вся в бумажных игрушках, сделанных детьми. За стишок, рассказанный мною, мне дали несколько конфет, это были конфеты «киевская помадка» в виде маленьких пряничков, но какой запах, аромат! Я их до сих пор люблю и ищу с тем же вкусом, но таких вкусных уже нет.

Ощущение голода мы не помним, не можем сказать, что мы все время хотели есть. Не было хлеба, это мы точно помним. Мама

в больничке. Маме сказали, чтобы она принесла в палату керосиновую лампу, так как не было света, и она принесла «семилинейную» лампу. Палата была общая и женщины за мной ухаживали. Соседка по кровати, тетюшка Фекла, говорила, что если я станцию, меня выпишут домой. И я танцевала при свете этой лампы.

Во что мы играли? Помним, что у подружки был мяч, скатанный из шерсти, и он очень больно бил. Мы играли в лапту, в

Ее муж Попов Иван Петрович – уролог, работает там же. Есть внучка – Дарья.

Моя сестра Галина Георгиевна Жеребко окончила Ангарский техникум легкой промышленности, много лет работала на Гусиноозерской швейной фабрике, возглавляла партийную организацию, проводила большую общественную работу. Затем работала заведующей гостиницей в Гусиноозерске. Выростила дочь и двух сыновей. У нее четверо внуков и столько же правнуков.

Фото мамы, бабушки и нас, детей, что отправляла мама папе на фронт

та, «все для фронта, все для Победы» - это все сопровождало наше детство. И потом уже после войны воспоминания взрослых и детей постарше – все это слилось как бы в коллективную память, в наведенную память ребенка, когда уже не отличишь - то ли это было с тобою, то ли об этом говорили старшие. Мама и бабушка часто вспоминали, как провожали нашего отца на фронт. Папа взял с собой фотографию старшей сестры, моей фотографии и фотографии средней сестры не было. Вся война он не расставался с фотокорточкой и принес ее с фронта всю помятую и потертую. Мама рассказывала, что на фронт отправляли солдат от военкомата, там было организовано фотографирование семьями, но мы были маленькими и мама нас не взяла, поэтому на фото только мама с папой. От Тарбагатайского района формировался конный отряд. И мы, дети, так и представляли проводы своих отцов: они на конях, с вещмешками за плечами и у каждого седока были еще по две лошади - запасные для других бойцов. Играл духовой оркестр, впереди красное знамя. Большая колонна всадников поднималась по дороге в город через гору Омулевка и весь Тарбагатай провожал своих отцов и братьев на фронт. А мы с бабушкой смотрели на дорогу с крыльца своего дома. Вот так мы рисовали себе картину проводов отца на фронт со слов старших. И вот такого же возвращения с фронта наших отцов мы с подружками ждали после Победы. Часто смотрели на дорогу, что змейкой извивалась по горе Омулевка, гадали, чей отец придет первым, представляли, что они вернутся так же с духовым оркестром, и такой же большой колонной, на лошадях и со знаменем. Но мы не знали тогда, что с войны возвращаются не все и не все разом. Из всех наших подружек ни у кого отцы не вернулись. Наш отец воевал в контрразведке и вернулся позднее всех, уже в 1946 году, осенью. Это событие мы помним все, даже я, мне уже было 5 лет с половиной. Мы с сестрами, часто вспоминая это событие, сопоставляем, кто как помнит этот миг. Оказывается, детская память очень цепкая, но все же каждый запомнил что-то иначе, наверное, с какой точки смотрел на это событие. Если бы я была художник - я бы нарисовала все это в мельчайших подробностях. Когда папа вошел со своим другом в дом, вскрикнула и бросилась на шею вошедшему военному маме, заплакала и обняла его бабушка, все бросились ему на шею, все плачут, обнимают его. А я стою в стороне и не знаю, что мне делать, я не понимала, что это мой папа. Когда он освободился от объятий, он подошел ко мне раскинув руки и сказал: «Ну а что же ты, маленькая, меня не обнимаешь?» Старший брат папы - Курдюков Григорий не вернулся с фронта, пропал без вести и до сих пор мы не знаем его судьбы.

Чем жили мы, дети, в эти тяжелые годы? Чему радовались? Как преодолевали голод?

Помним детский сад - ясли, голые стены, деревянный стол и гречневая каша-размазня с таким запахом! До сих пор хочу сварить такую кашу, но не получается. Помню, в детском саду давали рыбий жир, и дома без него не обходилось. Сестры жир не любили и свою порцию тайком от мамы выпивали мне. А мне он нравился, и я пила за троих и дома, и в садике. Зато у меня не было рахита, а у сестер он был.

Помню, меня старшие сестры брали в

возила в город на продажу мед, у нас были свои ульи, она меняла его на хлеб. В школе за Удой были госпитали, мама привозила на веревку бутылочку с медом, а раненые ей отправляли так же на веревочке свой паек-хлеб. И если этот обмен получался - мы радовались. Помню, что хлеб был какой-то розовый, говорили - из гаюляна. Хлеб мы делили на кусочки и иногда припрятывали его, чтобы потом порадовать всех, выпачив свою уже засохшую «заначку».

В хлебном магазине продавали какие-то отходы хлебопекарни, мы называли это «бурда». За этой бурдой занимали очередь с утра. А так как я была маленькой, я проползала между ног и первая получала свою порцию. Вкус у этой бурды был кислый, вид прокисшего киселя. Если съесть ее чуть больше - будет тошнота и рвота. Еще помню: ели жмых, не знаю, откуда мы его брали, но это тоже было что-то съедобное, грызли куски жмыха, рты и щеки у нас от этого были зеленые.

Летом мы переходили на «подножный корм». Нам не запрещалось ходить в лес, на луг, на речку. Мы ели все, что можно было жевать, сосать: щавель, молодые побеги сосны (казачки), молодые сосновые шишки, полевой лук мангир, цветы багульника (его мама даже заготавливала в прок - брызгла холодной водой и в тазике хранила в погребе, потом мы ели эти цветочки горстями), корни пырея, саранки, мякоть из стволов подсолнухов, обсасывали молодые побеги ивы, цветы медуницы, семена конопля, дикого проса, картофельные «балаболки», черемуху, яблочку - дичку, высасывали «мед» из цветков медуницы, клевера, лизали веточки из муравейника. Наш подножный корм зависел от сезона года. Позднее, учась в медицинском институте, по фармакологии я узнала, что все, что мы находили в природе и ели - это был кладез витаминов и питательных веществ. Даже веточки ивы, которые мы обсасывали, оказывается, содержат аспирин и ива является природным источником этого лекарства. Накопивши все витамины летом, зимой мы не болели. Бабушка Александра (папина мама) варила щи из крапивы, лебеды, щавеля. Нас выручала наша любимица-корова Маруся, она давала по целому подойнику молока.

И вот еще одно очень яркое воспоминание. Маме дали в колхозе лошадь и сани, чтобы привезти из лесу дрова. Она уехала утром, мы ее ждали целый день и вот скрип саней и мама ведет лошадь и сани с дровами во двор. Лошадка вся в инее, мама законченвшая, губы едва шевелятся, а мы ее просим свистнуть, как она посвистывала, погоняя свою лошадуку. А у мамы от холода губы синие и не слышатся. Мама достаёт из-за пазухи кусочек хлеба, что брала с собою поесть, и говорит, что это зайчик нам прислал гостинец. А хлебушек весь замерз в ледышку. Она его нам берегла, сама не поела. Как же она сама замерзла, если хлеб за пазухой заледенел!

Помним, что нас часто осматривали медики в садике, дома, когда мы болели корью. Когда я болела пневмонией, я лежала

«выжигалы», в прятки, в «чижика». Кукол не было. В куклу мы могли нарядить пучок травы, заплести в косичку корневище лука, завернуть в тряпичку продолговатый камушек, палочку. Первые куклы нам сшил папа, когда вернулся с фронта. Это были тряпичные куклы, лицо им мы рисовали сами, шили платья.

Кататься на горку зимой ходили по очереди, так как теплая одежда и обувь были одни на троих. Соседские дети завидовали нам, их было шестеро, у них очередь двигалась медленнее.

Бегали смотреть на улицу, как везут пленных японцев, было ли это на самом деле? Откуда в Тарбагатае пленные японцы? Но вот что-то отложилось в детской голове...

Помню свадьбу на нашей улице - жених был молодой военной, в форме, с орденами, с ремнями через плечо и без правой руки. Взрослые говорили, что руку у него «отняли на фронте». Мы дети, не понимали, как можно отнять руку и бегали смотреть на жениха. Пустой рукав был заправлен в карман. Как выглядела невеста - не помню, а вот жениха могла бы нарисовать в деталях. Женщины танцевали, плясали и пели частушки, мы их тоже пели:

- Неужели это будет, неужели я дождусь?

Хлеба с маслом я наемся, чаю с сахаром напьюсь?

Скоро кончится война, пойдут солдаты ротами,

Я своёго дорогого встречу за воротами.

Из первых послевоенных лет нашего детства больше всего помнится, как много играл с нами папа, играл в прятки, водил нас в лес, на рыбалку, катал из шерсти мячи, шил из тряпок куклы, выпиливал и строгал игрушки. Очень хорошо помню, как мама мыла нас в бане, парила, а папа, завернув в одеяло, бегом по огороду относил в дом. При этом снег под его ногами хрустел так звонко и весело и эти звуки хрустящего снега я слышу и сейчас.

Интересно было бы узнать, какие воспоминания сохранили дети тех лет, именно вот такого возраста, дети 39-41 годов рождения. Медицина утверждает, что ребенок может помнить и с 1-2 летнего возраста и не только то, о чем часто говорили взрослые позднее, а именно своей памятью.

О нас: я, Курдюкова Полина Георгиевна родилась 22 февраля 1941 г. в с.Тарбагатай третьим ребенком. Училась до 7 класса в с.Саратовка, так как родители переехали туда и работали в колхозе им. Калинина пчеловодами. Училась в 8 классе в Тарбагатае, затем в школе с. Унэгтэй Заиграевского района так же в связи с переездом туда родителей. Окончила школу с серебряной медалью. Работала санитаркой в больнице. Затем поступила в Читинский медицинский институт, после окончания его в 1965 г. работала хирургом в Кяхтинской больнице, с 1984 года работала хирургом-проктологом в больнице № 4 г.Улан-Удэ. Мой хирургический стаж 50 лет. Моя дочь Курдюкова (Попова) Надежда Владимировна закончила БГУ, медфакультет, работает проктологом в Иркутском онкодиспансере.

ДЕТИ В ВОЙНЕ

Свидетели? Участники? Жертвы?

Старшая моя сестра - Шмелева Тамара Георгиевна, окончила кооперативный техникум в Улан-Удэ, работала по специальности. Затем с мужем работали на турбазе Щучье Озеро, последние года она работала в больнице с.Тахой в пищеблоке. Выростила десятерых детей, награждена медалью «Мать-героиня». Все дети имеют свою профессию, работают, имеют семьи, так что у Тамары 19 внуков и 15 правнуков.

Все это я дописала к тому, что не зря мы выжили в тяжелые годы войны, не зря наша мама и бабушка, отказывая себе, вырастили нас. Матерям в тылу, наверное, было не легче, чем отцам на фронте. Сохранить жизнь детям и дать стране новое, молодое, трудоспособное поколение - разве это не подвиг?

Низкий поклон всем матерям, пережившим войну и сохранившим своих детей. Мы не должны забывать этот подвиг!

Сестры КУРДЮКОВЫ
Улан-Удэ

НАШ ПАПА

Фото, присланное отцом с фронта.

Курдюков Георгий Афанасьевич, родился 06.05.09 г в с.Колобки Иволгинского района Бурятской АССР. Жена Курдюкова Лукерья Павловна - уроженка с. Надеино Тарбагатайского района. Трое детей, 14 внуков, правнуков и праправнуков - 43.

Призван в Армию из Тарбагатайского районкомата в самом начале войны.

Вернулся с фронта осенью 1946 года. Как мы узнали спустя много лет, он служил в контрразведке. Наверное, поэтому наш отец очень мало рассказывал о войне, да и мы по молодости лет не пытали его, на каких фронтах он воевал. С возрастом только, как посмотрит фильм о прошедшей войне, плакал и говорил, что все было не так, как показывают в кинофильмах. Помню, что он рассказывал, как брали Варшаву, что там были и фашисты и поляки, которые были за фашистов и партизаны, которые были за Красную Армию. Спустя много лет, когда я оформляла его на инвалидность, нужны были справки о ранениях, и я нашла справку, что он лечился в госпитале по поводу контузии и ранения ноги. Умер 12.06.95 г.

Его старший брат Курдюков Григорий Афанасьевич так же был призван в начале войны, пропал без вести, где похоронен - не известно.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

НИ ОДНОГО НЕ ОСТАЛОСЬ!

ПЕЧАЛЬ СЕЛА ШИМКИ

В 1941 году из нашего села ушли на фронт 432 человек, а 227 из них навечно остались лежать в чужой земле. Но память о них жива. Их имена высечены на гранитной плите на памятнике в тополиной аллее возле школы. Ветераны, вернувшиеся в родное село, с болью вспоминали свой фронтовой путь, погибших товарищей, разоренные врагом земли. Но и они стремились к мирной жизни. И после войны работали, не покладая рук: пахали, сеяли и убирали хлеб, трудились на ферме. Но время неумолимо бежит вперед. И вот, через 70 лет после окончания войны в нашем селе не осталось в живых ни одного ветерана - участника войны. А память о них осталась, остались их воспоминания, осталось их потомство.

Наше маленькое село Шимки находится в Республике Бурятия, в Тункинском районе. До него не докатились бои, не проходила линия фронта, не ощутили на себе жителям всех страданий оккупации. Но что такое война, знали все. Когда мужчины ушли на фронт, их заменили женщины, дети, старики. Все четыре года - это напряженный труд выживания. Но они выстояли, дождалась светлых дней Победы.

Кто же в настоящее время может нам рассказать о том, какой она была, та война? Семьдесят лет - это большой срок. Нет в живых ветеранов, их жен. Но живут среди нас те, кто во время войны сами были детьми. Дети войны - это особое поколение. Мне хочется напомнить о них - переживших все ужасы войны, не знавших детства.

Александр Семенович Зверев, 1937 г.р.: «Когда началась война, мне было 4 года, нас у матери было четверо детей, отец ушел на фронт. В 1941-м умерла сестра, и осталось трое братьев. Жили мы очень плохо, голодали, есть было нечего, одевать так: одни валенки на всю семью и одна шапка. Хотя жили возле школы и школа в годы войны работала, не учились. Всю зиму сидели дома, валенки надевали по очереди, а когда наступала весна, выходили на завалинку греться. В школу я начал ходить в последний год войны, из дома брали две печеных картофелины, клали в тряпичную сумку и шли в школу. Все шили из мешковины: юбки, штаны, сумки. Не было соли, спичек, но приноровились обходиться без них. Печку закрывали с угольями, чтобы утром разгрести и затопить. В Шимках были две конюшни РККА, готовили лошадей для Красной Армии на фронт, и мы, мальчишки, часто бегали смотреть за ними, кормили их, ухаживали. В одной конюшне было примерно 200 лошадей.

Отец вернулся с фронта в 1946 г. с боевыми наградами, дошел до Кенигсберга, затем его часть перебросили на Восток и воевал еще с японцами. После его прихода нам, детям, стало лучше».

Зурбаева Ханда Базаровна, 1937 г.р.: «Родилась в с. Елоты в многодетной семье. Отец конюх. С 9 лет начала помогать отцу, учиться пошла в 10 лет, школа находилась далеко, в Илтыкшине, жила у знакомых, доучилась до 5 класса. С 15 лет начала работать на конюшню вместо отца. Одна. Возила дрова из леса, пилила, раскалывала вместе с братьями, также возили комбикорм из Енгорги. После войны работала дояркой на Шартайской МТФ».

Шелехова Антониде Нефедовна, 1935 г.р.: «Родилась в с.Шимки. Когда началась война, мне было 6 лет. Через год пошла в школу, печное отопление, зимой в школе было холодно. Мальчика 14 лет, семиклассника Зверева Михаила поставили завхозом, т.к. больше не было мужчин, он заведовал всем хозяйством школы: дрова из лесу привезти, застеклить окна, купить инвентарь... И он справлялся. На полях на колесных тракторах женщины пахали: Зинаида Гавриловна Шубина, Василиса Демидовна Томилова и др. Председателем колхоза была тоже молодая девушка - Ляхова Надежда».

Сушкеева Валентина Самбуевна, 1938 г.р.: «Мне 4 года, живём в Елотах, бедствуем, как все. За все годы войны не наедались досыта хлеба, сахара. Обувя не было, мама шила детям самодель-

ную обувь из кожи, которая промокала и разваливалась. Отца репрессировали как ламу в 1939 г., затем отправили на Северный фронт, он там погиб. Училась в школе, была способной, старательной ученицей, закончила 8 классов Кыренской школы. Проработала всю жизнь дояркой на Шартайской МТФ, была передовиком, победителем соцсоревнования, имею орден «Знак Почета», медаль материнства 3 степени. Родила и воспитала 8 детей, среди которых есть учителя, один замдиректора Национального парка «Тункинский», инженеры».

Натоко Елена Александровна родилась в 1937 году в с. Шимки в многодетной семье потомственного казака Пермякова Александра Александровича, безграмотная: «С началом войны отец ушел на фронт, мне 4 года, мать на колхозных полях, я нянчилась с младшими братьями и сестренками, поэтому учиться в школе не пришлось. Всю жизнь работала дояркой и телятницей».

Ангархаева Долгор Санжеевна, 1927 г.р., родилась в Могой - Горхоне в семье охотника Будаева Санжи Данзановича: «В семье трое детей. Мне было 13 лет, когда началась война. С началом войны вынуждена была бросить учебу, пойти работать, помогать матери на сеноуборке, зимой в заготовке дров, пахать, сеять, убирать урожай. Старшие братья ушли на фронт, воевали. Девочкой - подростком я трудилась в колхозе имени К. Маркса, имею удостоверение «Ветеран труда. Родила и воспитала восьмерых детей».

Гулькова Полина Михайловна, 1926 г.р.: В 1943 году работала в колхозе «Гигант». Очень страшно, когда приходили похороны с фронта. Плохая новость мгновенно разносилась по всему селу. В селе остались в основном женщины и дети. Работали с раннего утра до позднего вечера. Мы вязали носки, шили кисеты под махорку, вкладывали записки: «Бейте фашистских гадов». Зимой готовили лес, пилили дрова вручную. Собирали деньги на самолет и танковую колонну. Победу встретила в Жемчуге, все плакала от радости».

Шаргакшанова Сырен - Дулма Балжировна, 1932 г.р.: «Отец уже престарелый, поэтому его не забрали на войну. Была самой старшей в семье. Пахала на быках, доила коров, трелевала лес. Иногда ребяташки раскапывали норы сусликов, доставали оттуда зерна, которое они запасали на зиму, тем и кормились. Из 10 детей в семье в тяжелые военные годы осталось только двое, остальные умерли от голода. В 80-е годы стала передовой дояркой. Родила и воспитала 8-х детей».

Доржиев Даша-Сырен Лопсонович, 1932 г.р.: «Отца забрали на фронт в 1942 году, вернулся раненый в 1944 году. Я начал работать с одиннадцати лет. В 1943 году возил грузы в Оку на лошадях: бензин, соль, муку, на дорогу уходило трое суток. О победе над Германией узнал от фронтовика, вернувшегося с войны».

Котовщикова Елизавета Григорьевна родилась в 1930 году: «Отец был по-

томственным казаком, работал в колхозе. В семье было 5 детей, двое братьев воевали, погибли. До войны закончила пять классов. Дальше учиться не пришлось. С 12 лет всю жизнь проработала в родном колхозе. Трудовой стаж составляет 43 года, из них работала дояркой и на лесозаготовках в Тарбагатае (3 зимы), поваром в тракторной бригаде (много лет).

Записали

**Бэлигма ЗУРБАЕВА
Галина АЮШЕЕВА**
Шимки
Тункинский район

ОТЦЫ И ДЕТИ

Когда на фронт были призваны мужчины, то в деревне у нас остались старики, женщины и дети. Так в семье **Варфоломеева Иллариона Илларионовича**, погибшего на фронте в апреле 1945 года, осталась вдова Мария Никоновна и пять несовершеннолетних детей: Иван - 1930 года, Анатолий - 1931 года, Афанасий - 1937 года, Анна - 1939 года, Калина - 1940 года. Отец их был очень трудолюбивый, сумел детям привить любовь к технике. В годы войны Иван и Анатолий, будучи малолетними детьми, входили в бригаду, помогали ремонтировать сенокосилки и конные грабли, приходилось выполнять и кое-какую работу в кузнице. В летний период времени они работали на сенокосе, косили вручную, гребли с помощью конных граблей, возили копы, кроме того занимались заготовкой дров и пилили чурочки для тракторов.

Варфоломеев Павел Александрович погиб под Ленинградом в 1943 году. Трудно пришлось вдове Евдокии Савельевне, в семье осталось восемь детей: Венедикт - 1924 года, Панфил - 1927 года, Наталья - 1928 года, Влас - 1930 года, Василий - 1933 года, Ганя - 1934 года, Мария - 1937 года. Последний малыш умер.

Подросткам пришлось работать в колхозе, готовили сено, дрова, ухаживали за животными. Прополкой хлеба руководила Брылева Мария, она распределяла детей по рядам, показывала какие сорняки удалить и следила за качеством работы. Дети брали с собой чай и кусочек хлеба, начинали работать рано утром, пока не жарко.

У Калашникова Григория Яковлевича погибли три сына: Петр, Деметрий и Николай. Дедушка - Григорий Яковлевич взял заботу о сиротах - внуках на себя. Он учил их пользоваться косой, правильно вести прокос, грести сено, возить копы и полоть хлеб. Часть своего заработанного хлеба отдавал внукам.

У Варфоломеева Кондрата Трофимовича осталось шесть детей: Игнат, Марина, Мария, Денис, Григорий, Матрена. Девочкам в раннем детстве пришлось работать на колхозных полях на прополке хлеба, работали и на колхозном огороде: са-

дили и поливали капусту, поледи морковь, лук и чеснок.

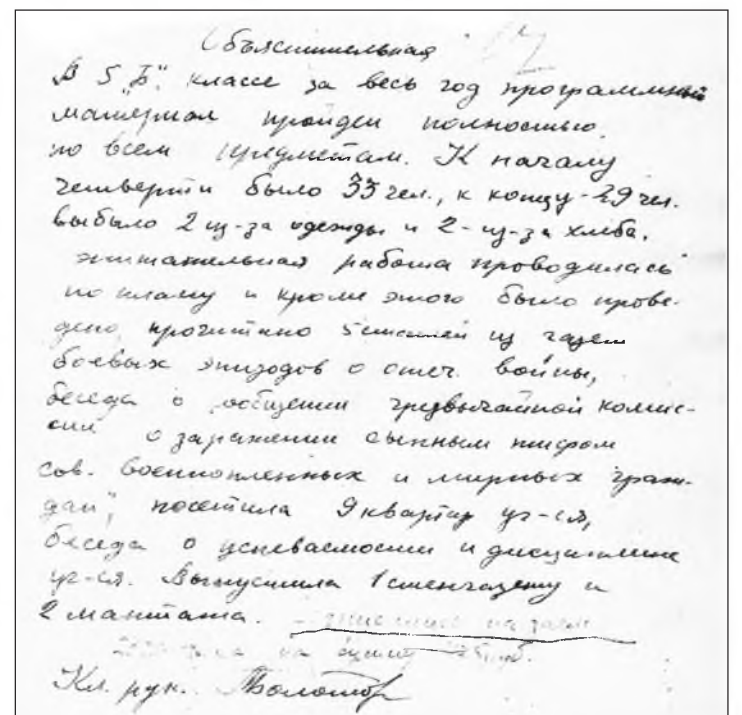
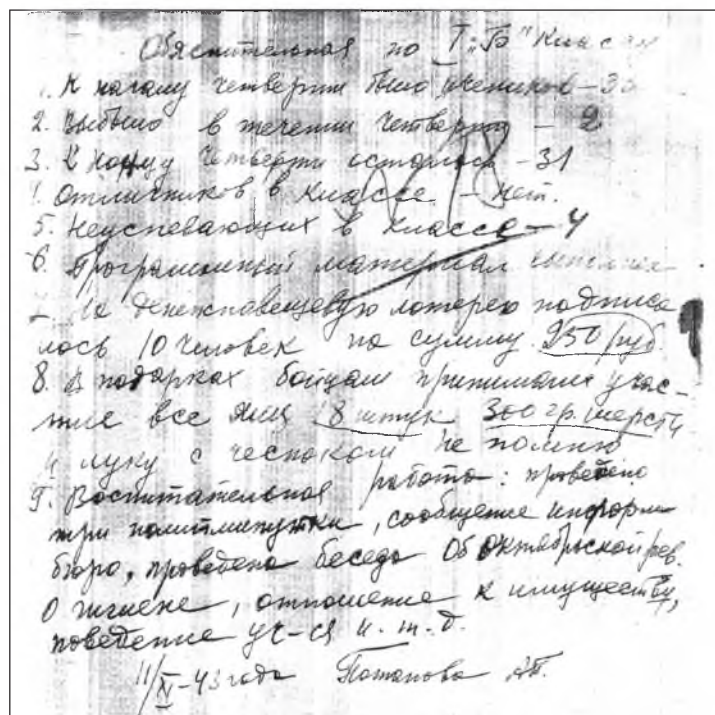
Во время сенокосной поры в местности Обор жили дети 13-15 лет. Они занимались сенокосением, греблей сена и вывозом копен к зародам. Для удобства счета вывезенных копен выдавались палочки за каждый рейс и вечером подводили итоги. Нормой выкоса было 40 соток, оплата - 800 граммов хлеба и один литр сваренной затерки. Зарод метали старики Варфоломеев Елисей Лукич и Варфоломеев Григорий Яковлевич. В возрасте 75 лет они выполняли очень трудную работу, поскольку метать сено в зароды приходилось в сухую очень жаркую погоду. К этой работе иногда привлекали женщин, умело справлялась с этим трудом Леонова Агафья. В колхозе «Красный партизан» принимали активное участие дети Брылев Иван Никифорович, Брылев Иван Иосифович, Калашникова Ирина Петровна, Калашников Василий Афанасьевич, Кравцов Харлампий Тимофеевич, Брылев Семен Иванович, Иванов Василий Афанасьевич. Кроме сенокоса они вывозили на поля навоз, собирали золу по домам и тоже увозили на поля. Исполнять нелегкую работу приходилось мальчишкам, когда пилили чурочки для тракторов, пила была ручная, тупилась, а точить её было некому. Во время пахоты мальчишки водили быков, которые были упрямы и с ними нужно было справляться, к тому же трудно было ходить по вспаханному полю.

Директор школы строго следил за расходованием дров, извести и мела. В квитанции № 11 от 10 апреля 1945 года написано: «Отпустить извести для побелки квартиры красноармейца Готовского 4 кг.».

В период войны учителя проводили политинформацию о военных действиях на фронте, беседах к праздничным дням, выпускали фотомонтажи о выполнении программ и посещаемости. Большое значение уделяли сбору посылок бойцам, подписке на облигации военного займа. В справках есть такие показатели, как общее число учеников, число покинувших школу по причине отсутствия обуви, одежды и хлеба. Из пятого класса четыре ученика ушли в ФЗУ (фабрично-заводские училища), где частично обеспечивали питанием, одеждой, общежитием и обучали какой-либо профессии. Из седьмого класса из 18 учащихся пять детей из-за трудностей в семье ушли работать в колхоз, где за свой труд они получали оплату печеным хлебом.

Многие дети тогда не знали, что такое игрушки. Разрушенные дома и звуки выстрелов - таким запомнилось детство тем, кто рос на оккупированной фашистами территории. На всю жизнь запомнили письма и «похоронки» с фронта.

Материал представлен
сельской библиотекой
Никольск
Мухоршибирский район

В школьном музее хранятся некоторые справки - отчеты учителей о том, какой класс внес свою лепту в помощь фронту. Эти простые свидетельства военной поры говорят о трудностях того времени. Поместить эти справки можно в папку «Документы свидетельствуют о войне». Почему? Во первых, многие записи сделаны на страницах ненужных газет и книг, поскольку не было бумаги. Во вторых, в отчетах о причинах пропусков уроков были такие слова как отсутствие обуви, одежды и хлеба.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

НАШЕЛ
БРАТСКУЮ МОГИЛУ ДЕДА

Память – вот что делает нас людьми.

Я хочу рассказать о своих прадедушке и прабабушке по папиной линии. Их короткие рассказы ярко передают дух того времени, в котором они жили, и величайшие испытания, выпавшие на долю их поколения.

В годы Великой Отечественной войны мои прабабушка и прадедушка проживали в Читинской области Красночикоиского района. У каждого из них своя судьба, своя семейная история в годы войны, но в то же время очень много общего: голод, изнурительный труд, страдания от потери близких.

Мой прадедушка Москвитин Иван Акимович родился 12 сентября 1931 года в селе Голдановка. Он вспоминает: «Когда началась война, мне всего 10 лет. У меня было три сестры и два брата. Я второй в семье. После окончания четвертого класса начал работать в женской сенокосной бригаде: сам косил, отбивал женщинам литовки, на конях косил хлеб жаткой. В 1943 году отправили учиться на Петровский завод в школу ФЗО на тракториста. Отучившись 1,5 года, вернулся в колхоз и начал самостоятельно трудиться на тракторе, а затем на комбайне.

Мать, Москвитина Евдокия, работала дояркой, заведующей фермой. Она была очень строгой и могла хорошо организовать работу. Мы держали свое хозяйство: корову, овец, сеяли картошку и другие овощи, но жили бедно, как все – впроголодь, потому что всё, что было у нас – сдавали государству. Жизнь была страшная. Во время войны от тифа умерли два брата и сестра, получены извещения о смерти: на Акима Москвитина – отца Василия Николаевича и Зинаиду Николаевну Злобиных – брата и сестру моей матери, Василия и Иннокентия Москвитиных – брата и сестру отца.

Моя прабабушка Москвитина Пелагея Тимофеевна (в девичестве Гасилова) родилась 14 октября 1931 года в селе Урлук. О военных годах она рассказала мне не много, но мне стало очень горько на душе от того, что ей довелось пережить: «Я была третьим ребенком в семье. Во время войны я не училась, так как на семерых братьев и сестер были одни ичиги. Мама работала в колхозе. В 1943 году получили похоронку на отца Гасилова Тимофея Кондратьевича. У матери от этого известия случился инфаркт и она умерла. Так мы осиротели. Благодаря старшей сестре Александре все выросли в семье, она не отдала нас в детский дом. В 12 лет я начала работать свинаркой. Работала на маточной группе, принимала опорос. Позже стала дояркой. Чтобы как-то прожить, ходили в орешник за 30 километров. Орехи приносили на себе и продавали. Места были богаты также ягодами, грибами, вот этим и жили».

С 1972 года семья Москвитиных переехала в село Комсомольское, где мои прадедушка и прабабушка до ухода на пенсию трудились в совхозе «Юбилейный». Иван Акимович удостоен звания «Лучший механизатор совхоза». В 1995 году, в связи с 50-ем Победой в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов Москвитина Пелагея Тимофеевна и Москвитин Иван Акимович были награждены юбилейными медалями «За доблестный труд в период 1941-1945 гг.». Они также награждены юбилейными медалями «60 лет, 65 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.».

Глядя на извещение о гибели моего прадеда Гасилова Тимофея Кондратьевича, в котором было написано, что он погиб при форсировании Днепра и захоронен в братских могилах, мне захотелось больше узнать о битве за Днепр, во время которой он погиб и найти место его захоронения. И мне это удалось, используя сайт Мемориал.

Я узнал, что в ночь на 21 сентября 1943 года началось форсирование Днепра. К концу сентября на данной полосе советские войска захватили на правом берегу 20 плацдармов. После ожесточенных боев 6 ноября 1943 года столица Украины была полностью освобождена от оккупантов. Освобождение Киева имело большое международное значение. Эта победа довершила коренной перелом войны на советско-германском фронте.

В справке о смерти Гасилова Тимо-

фея Кондратьевича был указан обратный адрес: Киевская область, Кагарлыкский район, село Гребени. Я решил поискать братскую могилу, где захоронен мой прапрадед. Из книги памяти Читинской области Красночикоиского района я узнал, что Тимофей Кондратьевич воевал в 136-м гвардейском стрелковом полку 43-й гвардейской стрелковой дивизии 40-й армии Воронежского фронта. В похоронке было написано, погиб в октябре, но не была указана дата смерти. На сайте «Мемориал» я нашел погибшего в войну и узнал год рождения – 1906 г.р. и дату выбытия – 25 сентября 1943 года.

Найдя фото мемориала в селе Гребени, я нашел на плите фамилию – Гасило Тимофей Кондратьевич. Все сходится: и даты событий, и фронт, и номер гвардейского стрелкового полка и дивизии, только вот потеряна в фамилии последняя буква «в». Возможно, фамилия переделана на украинский лад, а может быть документ был частично утрачен и трудно читаем. (В дальнейшем хочу выяснить причину не совпадения). Так я нашел братскую могилу, где захоронен мой прапрадед. Он погиб, освобождая Киев от оккупантов.

Когда прабабушка увидела фотографию братской могилы, её пробил слезы. «Я хоть теперь знаю где и как похоронен мой отец» - сказала она. А я рад, что мне удалось сделать для прабабушки. Ведь для неё и для всей нашей семьи это очень важно.

Я горжусь тем, что в моей семье были такие Защитники нашей Родины! Я горжусь тем, что в тылу моя семья, как и все, достойно несла на своих плечах тяготы и лишения военного времени. В Великой Победе есть вклад и моей семьи!

Отдавая должную дань людям, совершившим боевой, трудовой и житейский подвиг, нам, их правнукам, нужно знать и помнить уроки истории. Помните, что долг каждого из нас поступать так, чтобы их усилия не были напрасными.

Александр МОСКВИТИН
ученик 7 класса.
МБОУ «Комсомольская СОШ»
Еравнинский район

В ПОЛЬШЕ,
НА РУССКОМ КЛАДБИЩЕ

Было всего 3,5 года когда началась война. Отца моего, Измайлова Леонида Васильевича, конечно, не помню, мать рассказывала мне, что мы жили в поселке Шилка Читинской области, отец работал на почте шофером на полutorке и хотя на него была броня, он настаивал, чтобы его правили на фронт. В 1944 году погрузили автомобиль на платформу и отец уехал. У меня в памяти смутно запечатлелся его образ: сквозь эти годы помню, как он стоял в длинной шинели, в буденовке со звездой и прощался с нами, братишке моему было всего четыре месяца. Отец доехал с боями до Польши, там его ранило в пазвоночник, довели до госпиталя и он там умер 8 ноября 1944 года.

Пять лет назад я писала письмо в Министерство обороны и просила меня отправить на могилу моего отца. Мне сообщили, что вопрос решается, как решится – сообщим, и вот уже столько времени нет сообщений... Отец мой похоронен в Польше Белостокское воеводство, г. Замброво, на русском кладбище.

Раскидала война наших отцов по всему миру – кто погиб, кто потерялся без следа, а вот мы, их дети, многие из нас в лагере пионерском ни разу не отдыхали. Детство было очень тяжелое, мы не знали слова «папа», то есть у нас его не было... Немного подросла и у меня появилась обязанность – получать по карточкам хлеб, но позже карточку потеряла и неделю сидели без хлеба, за лето заработала на саатиновую форму и черный фартук. В 16 лет устроилась истопником в детский сад, в бараке деревянном надо было топить 26 печей, работала по 20 часов в сутки, мне помогал братишка 13 лет, к каждой печке по две вязанки поленьев, затем всю ночь ходила с клюкой к каждой печке подлаживала дрова и так до утра, а в обед опять колоты, таскать дрова... Так продолжалось 4 месяца, потом меня, маленькую, худенькую, приняли на авиационный завод... грузчиком. Таскала песок, мусор, кирпичи,

днем работала, а вечером в ШРМ - школу рабочей молодежи. Потом училась в институте повышения квалификации, работала инженером по планированию, всего на заводе проработала 40 лет. Братишка мой погиб трагически: спасал человека и сам погиб в 1963 году, 22 лет от роду. Он был 1941 года рождения.
Вот такая наша судьба.

Галина
ИЗМАЙЛОВА - КЛЮЖЕВА
Улан-Удэнский авиазавод

Я – РОВЕСНИК
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Себя я вижу в ряду детей войны. Родилась 70 лет назад, в январе 1945 года. 45 лет назад связал свою судьбу с Бурятией. А родился в селе Пороги Тулунского района Иркутской области. В 17 лет окончил Черемховское училище и начал в 1962 году трудовую деятельность в колхозе трактористом, затем перешел на работу в Тулунский леспромхоз.

В 1970 году переехал в поселок Усть-Баргузин и начал работать в Баргузинском леспромхозе. Считаю, что здесь я обрел свою вторую родину, здесь прошла вся моя трудовая биография. В 1977 году, как тогда говорили, без отрыва от производства окончил Улан-Удэнский лесотехникум. За все годы моей работы бригадиром укрупненной лесозаготовительной бригады Баргузинского леспромхоза мы перевыполнили плановые задания и социалистические обязательства. В этом нам помогала слаженная работа всего коллектива леспромхоза. Мы глубоко уважали нашего директора Константина Ивановича Арсентьева, участника Великой Отечественной войны. Коллектив леспромхоза из года в год выполнял производственные планы, директор наш далеко видел перспективы развития нашего предприятия и поселка. На этом посту Константин Иванович проработал более двадцати лет.

За боевые подвиги наш директор был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалью «За победу над Японией», а за труд в леспромхозе Константин Иванович награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя медалями «За трудовую доблесть» и другими медалями.

В те годы многие наши лесозаготовители удостоивались высоких государственных наград. До сих пор храню в душе чувство благодарности коллективу леспромхоза за высокую оценку моего труда. В числе других передовиков я был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1986 году - орденом Ленина. В 1977 году стал лауреатом премии советских профсоюзных, а в 1982 году мне присвоено почетное звание Заслуженного работника лесной промышленности РСФСР. В 2007 году я удостоен звания «Почетный гражданин Республики Бурятия».

В данное время вместе с моей супругой Валентиной Матвеевной живем у себя в Усть-Баргузине, дети уже давно работают в разных отраслях, подрастают внуки. Несмотря на то, что мы на пенсии, не обделены вниманием родных, близких, знакомых. Вместе со всей страной переживаем нелегкие годы и всегда говорим: «Какую страшную войну пережила наша страна, какие невероятные трудности преодолела Россия за эти годы, значит немало сил в Великой стране. И на этот раз всё выдержим, одолеем все невзгоды».

Наша семья поздравляет всех, всю нашу родную Бурятию с наступающим великим праздником юбилея Победы, желает всем добра и благополучия.

Владимир ТОРМОЗОВ
Дитя войны
Почетный гражданин
Республики Бурятии

НЕ УСПЕЛИ...

В госпитале собрались сходить к ней на дом и поздравить с наступающим Днём Победы. Купили цветы, праздничный пакет. Не успели.

Как сообщили родственники Марии Алексеевны: «Несколько дней назад она умерла...»

ВЕКШИНА МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА родилась 28 августа 1920 года в г. Вязьма Смоленской области. После окончания трехгодичной школы ясельных сестер в Магнитогорске в 1939 году приехала в Улан-Удэ. Поступила работать в Улан-Удэнский госпиталь медицинской сестрой. Во время событий на реке Халхин-Гол была мобилизована в армию и работала в госпитале, который располагался в 20-й школе и обслуживал бойцов Забайкальского фронта.

Когда началась Великая Отечественная война, Мария Алексеевна была призвана в армию в звании младшего лейтенанта. Прошла военную подготовку и до 1943 года служила фельдшером на 119 санитарном поезде юго-западного фронта.

Вывозили раненых из-под Старого Оскола, Миллерово, Лиски, Сталинграда в прифронтовые города и Среднюю Азию. В 1943 году под Сталинградом разбомбили санитарный поезд, в котором находилась Мария Векшина. Часть расформировали. Мария Алексеевна попала на 2-й Украинский фронт в 744 роту правительственной связи фельдшером. В ее задачи входило следить за здоровьем личного состава, его расквартированием, обеспечением чистой водой.

Очень тяжело в этом отношении было в Ленинградской области. Местность болотистая, плохая вода. Было много больных дизентерией.

Победу Мария Алексеевна Векшина встретила в Братиславе, в Чехословакии. Но война для девушки не кончилась. Опытную санитарку срочно перебрасывают на Дальний Восток. И снова действующая армия.

С горечью вспоминает ветеран все, что довелось повиждать на войне: это и концлагерь Майданек, когда шли через Польшу; и японские камикадзе, прикованные к пулеметам на Дальнем Востоке.

В трудовой книжке младшего лейтенанта Векшиной М.А. есть такая запись: "С 01.08.1941 по 27.08.1946 – служба в рядах РККА".

После войны Мария Алексеевна уехала в город своей юности – Магнитогорск. Но затем вернулась в Улан-Удэ. И снова военный госпиталь. Работала диетсестрой, заведующей кухней-столовой. В 1987 году ушла на пенсию.

Мария Алексеевна – долгожитель, успела отметить девяносто четыре года.

Т. МАЛЕВСКИЙ
Улан-Удэ

ПОДВИГ СОЛДАТА

Когда-то были молодыми.
И вот нагрянула война.
Ушли и не вернулись.
Пусть пухом будет Вам земля.

И мы стоим у обелисков.
И слезы брызнули из глаз.
Солдатам матушки – России,
Спасибо, что защитили нас.

И благодарны все потомки.
За мир, за счастье и за жизнь!
И пусть благословенна
будешь ты Россия!
Что имеешь сыновей таких!

Анна Семеновна ЕФИМОВА

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

ПОДРАНОК СУРОВЫХ ЛЕТ

И дети, внуки, а теперь и правнуки, даже никогда не видевшие своих погибших в Великой Отечественной войне предков, испытывают необъяснимую боль от воспоминаний, которые живут и будут, наверное, жить всегда. Потому что самая стойкая и долговечная — это память сердец, передаваемая из поколения в поколение.

При встрече с Фибих Владимиром Августовичем я поняла, что наша память, как потревоженный улей. Не тревожишь — спокойная, а стоит завести разговор о военных годах, болит нестерпимо в груди, раны не заживают. Дети войны! Самое страшное словосочетание — дети и война.

Володя Фибих родился в 1935 году. Отец Августович, немец по национальности, с женой Анной Яковлевной и сыном жили в Саратовской области, в селе Гримм, ныне село Красноармейское. Далеко в памяти остались рассказы мамы, что еще при царе Петре предки их, немцы, поселились в Поволжье. Дед, прадед, отец Володи родились уже в России. Внезапно, как проливной неожиданный дождь, ворвался в жизнь людей 1941 год, перевернув всю жизнь мальчика и его семьи. Тогда, многие семьи немцев и их родственников, в том числе и Володина семья, выселялись в Красноярский край. Отца в то время с ними уже не было, он в 1939 году ушел в армию. Мальчику было 4 года, но помнит многое. Поезд с переселенцами пришел в Красноярский край. Жизнь надо было начинать с нуля. Мама, библиотекарь по образованию, выучилась на комбайнера и работала в колхозе. В 42-м Володя пошел в школу. В 43-м забрали маму. Ей тогда было 27 лет. В этот день, который останется у Володи на долгие годы, у мальчика как будто каленым железом вырвали сердце. Вновь плач детей, страх и горе сковало души людей. Забирали тогда и мужчин и женщин. Отправили их в трудовые лагеря в Закаменский район.

Матери Володя довелось работать на лесоповале, мыть вольфрам в ледяной воде, чтобы заработать паек хлеба. Володя жил с дедом. Дед переживал, что Володя будет голодать и хотел отдать его в детский дом, но бабушка не позволила. Она говорила, если умрем, его и так заберут в детский дом, а так ребенок все же среди своих родных. Голод в те годы стоял страшный. Все время Володе хотелось есть. Дом, где жили дед с бабушкой, был большой. Приходилось заготавливать много дров, чтобы истопить печи. Володя с братом валили деревья, распиливали их, кололи и привозили на санках. Также приходилось ходить за плугом. А вечерами работали на своем огороде. Война продолжалась. Голод не отступал. Износились одежда. Тетка Володи пошила ему из грубой мешковины-брюки и рубашку. Мама Володи стала понемногу присылать денег в конверте, чтобы хоть как-то позаботиться о своих родных. Но не всегда деньги доходили до семьи, конверты вскрывались, деньги изымались.

Шли годы, закончилась война. Победе радовались все, от мала до велика. Сколько надежд Володя возлагал на то, что скоро встретится с мамой, что жизнь наладится. Если бы он знал, что впереди его снова ждут лишения и разочарования. Не скоро ему придется встретиться с мамой. Еще несколько лет ему пришлось жить с бабушкой и дедом. Наступил 1954 год. Володе 16 лет. Вот здесь-то и начались новые испытания. Необходимо было отмечаться в комендатуре военной, так как Володя был сыном немца, хоть уже давно и обрусевшего. В те годы вышли один за другим постановления, подписанные В.М.Молотовым, М.И.Калининым и Ефремом Ворошиловым, которые запрещали покидать места проживания, нельзя выехать куда-либо, нельзя отлучиться. Вскоре Володю вызвали в комендатуру и предложили отказаться от имущества, предлагая подписать соответствующие бумаги. Владимир отказался подписывать что-либо. Ему грозили: «Увезем, посадим». Володя твердо ответил: «У меня нет никакого имущества».

Время шло. Мать звала к себе. Володя скучал по маме и наконец решился. Ехать к матери в поселок Баянгол, Закаменского района Володе пришлось вместе со своей

тетей, которая хотела забрать к себе свою дочь из другого района. Ехали два месяца. Стояла зима. От долгой дороги в одежде мальчика завелись вши. Помыться удалось только в Джиде. Ошибочно вылезли на станции Чита. Кушать было нечего. Володя находил, где придется, зеленые корки хлеба и подьедал их. До Джиды добраться не на чем, попутчиков никто не брал. А мороз под 40... В это время Володя узнает, что мама родила, у нее появилась семья. Юноша решил, что теперь он не нужен своей матери. Захотелось умереть...

Только в 1947 году в декабре месяце доехал Володя до матери. Мама работала в столовой. В их доме, где Володя стал жить с мамой, проживали тогда три семьи. Дом хотя и двухэтажный, но квартирки маленькие. У матери была комнатка с буржуйкой. Жить стало легче, такого голода, как в войну, уже не было. Володя тогда первый раз увидел своего братика семимесячного младенца. Мальчик пошел в школу, приняли в четвертый класс. Среди учителей считался переростком. Вскоре пошел работать в Баянгольскую РЭС учеником электромонтера. В 1956 году Володю призвали в армию. Попал на Курилы, остров Итуруп. Служил в авиации. Демобилизовался в 1959 году. Вернулся в РЭС Джидинского комбината, работал на электростанции, на вольфрамовом производстве в Баянголе. После службы женился на Таисье Гавриловне. Молодые получили отдельное жилье. Володю выбрали секретарем комсомольской организации. Комсомольцы и молодежь построили стадион в Баянголе, обсадили аллеями деревьев аллеи. Вскоре Володя вступил в партию. Жизнь текла своим чередом и в семье родились и уже подрастали две дочери. Узнав, что по соседству открывается угольный карьер, Володя учится на экскаваторщика. Учитесь вечерами, а практику проходит в руднике. Получает диплом экскаваторщика. Материальное положение в семье заметно улучшилось. Но «происхождение» вновь сыграло злую шутку. Как-то один парткомовец высказался на собрании: «Почему мы немца представляем к награде?». Но Гармаев, будучи тогда директором предприятия (умный и порядочный человек), твердо возразил: «Награды даются за добросовестный труд, тем, кто лучше работает, этот человек работает лучше других, ему и награда, а национальность здесь ни при чем». Так Владимир получил орден «Знак Почета». В 1972 году семья переезжает в Гусиноозерск Володя устроился машинистом экскаватора на угольный разрез. До 1990 года работал на монтажном участке машинистом по сборке роторного экскаватора, затем бригадиром. За добросовестный труд награжден Знаками Ордена «Шахтерской славы» трех степеней (полный кавалер), медалью ВДНХ за освоение новой техники (роторные экскаваторы).

Владимир Августович уважаемый в городе человек. Ветеран труда, пенсионер. Дочери выросли, живут своими семьями. Недавно схоронил жену свою - Таисию Гавриловну, прожив с ней более 50 лет. Но духом не пал. Скрепя сердце, продолжает жить. Ему 79 лет. Он молод душой, энергичен. В свободное время занимается своей дачей: сажает и выращивает для себя овощи и ягоды. Страстный в молодости охотник и рыбак, он и сейчас нет-нет да и съездит на рыбалку. Благодаря своей общительности, Владимир Августович активный общественник в Совете ветеранов города Гусиноозерска.

— Празднуем 70-летие Великой Победы, — говорит Владимир Августович, — а раны душевные до сих пор не залечены. Они ноют не только к непогоде, они в нас — в людях, у которых не было детства.

Ольга Дмитриевна ЛИТВИНЦЕВА,
главный специалист

по связям с общественностью,
член Президиума Совета ветеранов
города Гусиноозерска,
Председатель Союза пенсионеров
по Селенгинскому району

СУДЬБА МАРТЫ

Дети войны... Сколько вас в ту лихую годину лишились счастливого детства? Сколько сирот бродило по дорогам страны, беспризорных подростков, потерявших отца и мать? Сколько наравне со взрослыми малолеток стояло у станков, сидело у штурвала трактора, трудилось в поле? Тысячи и тысячи! Они, ещё дети, помогали своим матерям приблизить день долгожданной победы.

Дети войны... Это и те, чье детство проходило в фашистских лагерях, на ком ставили опыты, чью кровь переливали в вены нацистов, а потом, измученных и бессильных сжигали в крематориях.

Глаза детей за колечкой проволокой... В них тоска - тоска по Родине, по родителям, тоска по дому, по куску хлеба. В них, в этих недетских глазах, отблески пожара и спалённых хат. В этих глазах нет слез. Но не все дети могли работать и помогать Родине.

Было много таких, кто родился в самый канун той страшной войны, в последний миг мирной жизни, чье детство оборвалось, едва начавшись. Это тоже дети войны. На их долю выпали страшные испытания. Вот о такой маленькой девочке Марте, на плечи которой легла вся тяжесть той страшной поры, и хотела бы я рассказать.

Она выжила в ту войну, выросла достойным человеком и сейчас живет рядом с нами. Но мы не узнаем её, когда видим пожилую женщину и не понимаем, почему у неё не привычное для наших мест имя Марта. А началось всё так...

14 декабря 1939 года в Поволжье, в семье Марии и Давыда Вейнер родилась девочка. Это был четвертый ребенок, которого в честь бабушки назвали Мартой. В те предвоенные годы по берегам Волги жили много сосланных немцев. Жили со своим укладом жизни, разговаривали на немецком языке, ещё не зная, что скоро любое слово, сказанное на этом языке, будет вызывать ненависть в сердцах советских людей.

Вот поэтому, когда Гитлер двинул свою войска к берегам великой реки, окружая Сталинград, правительство решило спешно эвакуировать немецкое население вглубь страны — в Сибирь. Мужчин не брали в действующую армию, их направляли в трудовые лагеря. Туда и был зачислен отец семьи Вейнеров Давыд. Ушел да и сгинул. Много лет спустя жена узнала о его гибели на трудовом фронте. Марию с четырьмя детьми отправили в товарняке в Омскую область. Там в 42-ом родился пятый ребенок.

Молодая женщина прошла все круги ада. Сердобольная семья пустила её на постой в баню. Здоровая, от природы очень крепкая и выносливая Мария выполняла любую работу: стирала, мыла, пилила дрова, просила милостыню. Хозяйка кормила трудолюбивую женщину. Дома ждали пять голодных ртов.

Однажды соседка, когда матери этих измученных ребятишек не было дома, решила взять на себя роль "спасателя". Она взяла двух детей — среднего Давида, которому было 7 лет, и 4-летнюю Марту — отвела на вокзал и посадила в поезд. Но так было судьбе угодно, что поехали ребята в разные стороны, потеряв друг друга на годы. Плачущую девочку поместили в тамбуре и отправили в детский дом, а брата сняли с поезда на другой станции и поместили в другой детский дом. В свои четыре года Марта, в отличие от брата, не смогла назвать свою фамилию и ей дали другую. Мама все это время была рядом, в Омской области, а дети — в Новосибирской. Измученная, неграмотная женщина, занятая тем, как бы прокормить троих оставшихся детей, не дала им умереть с голода, не могла искать пропавших ребятишек.

Так прошло десять лет. Закончилась война. Сердце матери очень болело, может быть, чувство близости детей мучило её истерзанное сердце. Марта превратилась

в девочку-подростка, которую руководство детского дома, решило отправить на учебу в ремесленное училище в город Новосибирск.

Мария при помощи добрых людей начала поиски детей. Сначала нашла Давида. А так как фамилия Марты была изменена, поиски осложнились. Но все таки они увенчались успехом. В селе Богословка нашлись следы дочери. Сама же Марта ничего не ведая, окончила ремесленное училище и была направлена на завод "Сибсельмаш" в качестве токаря.

В это время в училище пришло письмо, что девушку ищет мать. Ничего не помня из своего детства, Марта отрицала, что у неё есть родные. Но руководство выделило ей отпускные, и она поехала к маме.

Дорога к родным была долгой и вот уже совсем рядом мама. Когда Марта приехала, весть тут же облетела село. К дому Марии потянулись люди, самой же её не было. Она со старшим сыном уехала пилить дрова. Когда она вошла в избу, набитую односельчанами, настороженно обвела всех глазами и остановила взгляд на девочке, выросшей и ставшей симпатичной девушкой. Мать, узнавшая свою дочь, крепко стиснула её в объятьях, словно боялась потерять снова.

Выйдя замуж, Марта Давыдовна переехала в Бурятию. Трудилась в Еравне до самой пенсии, токарем. В совершенстве освоила свой мастерство. К ней обращались инженеры и механики многих организаций с просьбой выточить ту или иную деталь. Скромная, она не хватала звезд с неба, жила открыто. Вырастила дочь, дожила до внучат. Выйдя на пенсию, она не сидит без дела. Марта Давыдовна занята большим домашним хозяйством. Без высоких рангов и наград, она счастлива и бодр, строит планы на будущее. Настоящее дитя войны!

Ольга Анатольевна НАПРИЕНКО
Сосново-Озерское,
Еравнинский район

ДЕВОЧКА С ЗОЛОТЫХ ПРИСКОВ

Мою прабабушку зовут Козулина Елена Евдокимовна. Она из семьи Пантинных и родилась 9 мая 1924 года в селе Суво Баргузинского района. Детство и юность прошли в няньках. А в годы войны прабабушка начала работать на золотых приисках. Проходку шурфов, заготовку дров, работу в шахте — все извела девочка! Работала в Тилиме, на Чине, в Цеховском, Троицке. Труд золотарей из века в век называли каторжным. С 1946 года моя прабабушка устроилась санитаркой в Карафитскую больницу. Позднее довелось ей быть и разнорабочей, и сторожем, и поваром в детских яслях и столовой. С 1970 по 1983 годы она трудилась уборщицей в редакции газеты «Витимские зори». Где бы прабабушка ни работала, везде имела уважение от людей. Труд ее отмечен званием «Ветеран труда», юбилейными медалями, благодарностями. Вырастила она 2 дочерей, они подарили ей 8 внуков и 13 правнуков. Жить бы ей да радоваться, но в 2004 году, прожив 80 лет, она покинула нас. Мы ее помним.

Сергей БУЛГАКОВ
Баунтовский район

Из семейного архива семьи Пантинных

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

СПРАШИВАЛИ,
КАК С ВЗРОСЛЫХ

Родился я в Шаралдае, но всю жизнь прожил в Куготах. Отец ушел на войну и мы остались одни: два брата, две сестры, я и мать шестая. Играть нам долго не пришлось. Я окончил всего четыре класса, в 1938 году - первый класс, и так получилось, что в срок первом я уже окончил школу. В 1941 году мне шел двенадцатый год. В первый же военный год пошел бороться. Пахали летом на быках, коней на фронт отдавали. Зимой возил почту из Шаралдая до Цолги на двух конях по селам: Куготы, Гашей, Цолга, Зандин. Подъезду к сельсовету, коня привяжу к столбу, когда накормлю его, а когда и нет, нечем было. С собой возил четыре вареных картофелины. Иногда кто-нибудь пожалеет, чаем напоит, пацаненок же маленький, двенадцать лет всего. А почту во время войны знаете, как ждали? Ждали, как соловей лета. Привожу и передаю почту разносчикам, а они носят по селу. Конверты треугольные с печатью, как сейчас помню. Возил почту каждый день, не то, что сейчас. Потом пошел баран пасти, а почту возили гашейские ребята. Если не везу почту, так на быках едем в лес за дровами для колхоза. Потом снова стал работать на баранах. Весной и осенью сеяли да убирали. В 14 лет с нас спрашивали, как с взрослых. Куда пошлют - защиты никакой. Если что, так отругают! За трудовни давали 200 граммов отходов (отсевай от зерна - второй и третий сорта), а первый сорт отдавали государству, мы его не видели. Хлеб не пекли, не из чего было. Ели картошку, натертую на терке. Получим за 10 трудовых по 200 граммов муки, бросим тертую картошку 2-3 горсти и едим. Соль иногда была. Мыслись гужиrom. Это белый налет, который оставался в лужах после высыхания.

В поле работали газогенераторные трактора. Топили их чурочками. Возил и бочку, где была вода для тракторов. Воду то и дело приходилось добавлять в радиатор, а иначе закипит. День ли, ночь ли, спишь, тебя поднимают с постели и говорят: «Езжай за водой!» Возил воду на двух конях. Один конь запряжен, на нем сороковедерная бочка воды, второй конь сбоку, потому что один конь не вывозил. Устанет первый, смею коня.

После 14 лет работал конюхом, пас день и ночь, потом табунщиком поставили. Нас, табунщиков, тех, что пасли коней далеко от деревни, даже не пускали на территорию колхоза, чтоб наши кони не ели траву, чтоб эту траву рабочим коням-то отдать. А мы вдалеке от родной деревни растили для новой работы молодняк. На конных санях были будки полтора метра шириной, два метра длиной и один метр высотой. Вот и зимовали мы в этих будках. В будке печь была, примерно 30 см. длины и ширины. Из снега на ней чай варили, ели картошку, взятую из дома. Это мне уже лет 17-18 было, после войны. Пока горит печка - тепло, перестала - замерзает. Кони едят траву, раскопают снег и едят, пошли дальше, и мы за ними. Летом седлового коня привяжешь за ремень, сам, может, вздремнешь, табун перейдет на другое место, а конь тебя потащит и разбудит и приведет туда, куда ушел табун. В 18 лет перед армией работал конюхом.

Войны, конечно, боялись. Мы уже взрослые были на тот момент и понимали многое. Боялись, что немцы осият. Работников ведь в колхозах не было. Все мужчины на войне были, остались дома только дети да старики. Сеять не успевали, кормов не хватало. Кони плохие, хороших всех отдавали фронт, пахали сами на быках. Колхозы помогали друг другу. «Комсомол» (зандинский колхоз), помню, нам давал коней. Кормить скот было нечем. Пырей на борону собирался, его и давали коню пожевать. А было и так. Конь шел по полю, тащил борону и падал на поле от голода. Его обвяжем веревками и поднимаем по шесть - семь человек. Немного пождем, пока он придет в себя, постоит немного, и снова пашем на нем.

Помню я и день, когда закончилась война. Пахали мы на хребте, рожь сеяли. Приехал бригадир Овчинников Филимон и объявил нам о конце войны. Как сейчас помню, как он ехал, махал рукой и кричал: «Война кончилась!» Мы все поехали в табор, собрали нас всех и прочитали из газеты о том, что война кончилась. Кто плакал, кто радовался.

Отец мой, Овчинников Данила Самсонович, до войны работал на свиноферме старшим. Я с ним ездил на ферму. Помню, там

стояли столбы, на них были сушили, вот туда и сыпали зерно сушить. Мы с ним забирали это зерно и отвозили молотить. Отца взяли на войну сразу, ему тогда было 30 с лишним лет. По первому же призыву забрали, помню, в 4 часа ночи. Служил сначала в Чите, потом уехал на фронт. Прошел всю Курскую дугу, Мамаев Курган - самые тяжелые бои, отстаивал Москву. Отец служил в минометных войсках, был старшиной, командовал взводом или батареей. Дошел потом с боями до Чехословакии, там попал в полевой госпиталь, не знаю, по ранению или по болезни. Госпиталь разбомбили, и нам в апреле 1945 года пришло извещение: «Пропал без вести».

С отцом воевал Павлуцкий Михаил Гурьянович Шаралдайский. Он даже лежал вместе с отцом в госпитале, раньше выписался, и жив остался. Сейчас его, конечно, нет в живых. А я жалею, что все никак не расспросил его подробно об отце.

Савелий Данилович ОВЧИННИКОВ,
1929 г.р.

Село Куготы. Мухоршибирский район

ЛЕГЕНДАРНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

*В госпитальном фойе хирургии
Собрались посидеть старики,
Вспомнить годы свои молодые
Боевые годы свои.*

*Где и как воевали,
С кем охотно делились махрой.
И, теряя друзей, горевали,
Треугольники спали домой.*

*Разгромили врага, победили,
Показав всему миру пример,
Разлетелись герои по всей России,
А точнее по СССР.*

*Долгожданная путь-дорога
В отчий край, к своему очагу.
Чтобы встретить, обнять у порога
Мать родную, детей и жену.*

*Все о жизни обговорили
Голос старческий слаб и тих,
Горько тем, кого дети забыли,
Больно тем, кто остался без них.*

*Легендарное поколение
Ждет последний в жизни привал,
Приклоните пред ними колени,
Те, кто смерти в бою не видал.*

*Если старый солдат, уже
Слабый и хилый,
С костыльком к вам
Навстречу идет,*

*Знайте - он защищал Россию,
Знайте - он спас Советский народ.*

ПОБУДЬТЕ МОЛОДЫМИ!

*Что рассказать всем молодым
Об уходящем поколении?
Оно уйдет и вместе с ним
Погаснут факелы сражений.*

*Сражений тех далеких лет
Живых свидетелей боев.
О скольких их давно уж нет,
Достойных Родины сынов!*

*Дав героический заслон,
Прогнав с родной земли врагов,
За это низкий вам поклон
От ваших правнуков и внуков.*

*А молодое поколение
Должно героями гордиться.
Если б не ваш великий подвиг
Они могли бы не родиться.*

*Здоровья вам и долгих лет.
Хоть годы ваши велики,
Вы наша слава, наш оплот,
Живите, наши старики.*

*В торжественный победный день,
Вспомнив друзей и годы молодые,
Шагните в молодость одну ступень,
На миг побудьте молодыми.*

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*Победным маршем в сорок пятом
Закончен трудный марафон.*

*Здоровья выжившим солдатам,
Привет и низкий наш поклон.*

*Привет от правнуков и внуков,
От их отцов и матерей.
Великие победы ваши
Мы держим в памяти своей.*

*Потомки, ставьте обелиски
Со скорбным списком поименно.
Чтоб встать в честь памяти погибшим
Пред ним колени преклоненно.*

*В веках все вечные огни,
Пусть горят не угасая,
О героических победах,
О той войне напоминая.*

*Всех воинов в день Победы
Достоин чествуя, вся страна.
А в честь погибших и умерших
Пусть звенят колокола.*

НА ПОРОГЕ ТРЕВОЖНЫХ ДНЕЙ

*Россия снова на пороге
Тревожных дней, суровых дней,
И по какой пойдет она дороге,
Какие трудности возникнут перед ней?*

*Такие в мире перемены
Нам преподнес грядущий век.
Иль срок мирного существования
Для нашей родины истек?*

*Вопрос не только для России,
Хоть в этом нет ее вины.
Добро и зло скрестили силы,
Поставив мир на грань войны.*

*Особый разговор на эту тему,
Россия не по нраву дяде Сэму,
Чтобы жила им непокорная держава,
И не имеет он на это право.*

*Им не нужно другое мнение,
Им нужен мировой диктат,
А дядя Сэм, хоть и лауреат,
Но заслуженный лжедемократ.*

*В союзе с западной Европой,
То бишь, со странами ЕС,
Покрыв арабский мир войною,
Майдан Европе преподнес.*

*Растопанная Украина
Фашистским грязным сапогом,
Разгромлена, разорена,
Идет гражданская война.*

*Идет войною брат на брата,
Кипят невиданные страсти,
Одни за счастье и свободу,
Другие за превосходство власти.*

*Такой жестокости и зверства
Давно не видел белый свет.
Вранью, предательству, коварству,
Одесской бойне скажем: НЕТ!*

*О том, чтоб мир был на земле,
Чтоб не было войны совсем,
Задумайтесь об этом все:
ООН, ЕС и дядя СЭМ.*

К.Г. ФОКИНА
Улан-Удэ

В ДЕТДОМ НЕ ОТДАЛИ

Родился я за два месяца до начала Великой Отечественной войны в селе Гужиртай Селенгинского района, в верховьях реки Темник. Мой отец, 1907 г.р., возглавлял бригаду сплавщиков леса. В июне 1941 года отец, оставив нас, семерых детей и маму, ушел на фронт. В 1943 году, получив извещение о гибели отца, который был захоронен в братской могиле города Калуги, мама вывезла нас в село Иро того же района. Заселились мы в заброшенный дом, который восстанавливали всем селом. Все тяготы и испытания на выживание легли на плечи нашей мамы - Таисии Корниловны. Она сделала все, чтобы мы не умерли от голода. Приходилось есть все - и мерзлую картошку, и жмых, и прочее. «Сочувствующие» сельчане не раз рекомендовали маме отдать меня с братом в детдом, на что всякий раз получали только отказ.

В нашей деревне была школа-семилетка, где мы учились вместе с ребятами из бурятских семей, с которыми были очень дружны. Благодаря им мы даже немного знали бурятский язык. Многие из нас, лишенные

счастливого детства, в годы трудного юности рассуждали по-взрослому. Сознали, что для обеспечения себе достойной жизни необходимо учиться. Мама умерла рано - ей исполнилось всего 59 лет, поэтому вся моя сознательная жизнь формировалась самостоятельно: железнодорожное училище, формовщик-литейщик ЛВРЗ, служба в рядах Советской Армии, вечерняя школа, ВСТИ, пять лет на тонкосуконной фабрике, 37 лет на заводе «Теплоприбор». Все это было пройденно без наставлений и советов кого-либо.

С будущей женой Татьяной познакомился в училище. Она также из многодетной семьи. Её отец вернулся с войны инвалидом, а детство ее также было «несладким». После моей службы в армии мы поженились - 50 лет вместе. Наше счастье в двух детях и пяти внуках.

Михаил Константинович ПАРФЁНОВ,
21 апреля 1941 г.р.

ОГОРОДНИК КОЛЯ
И ДРУГИЕ

20.12.1941 г. принято решение Тункинского аймсовета депутатов трудящихся за № 336 «О создании дополнительных семенных фондов картофеля за счёт срезки верхушек клубней по указаниям академика Т.Д.Лысенко» (сушка, использование этих верхушек на посевные цели). Для этих работ распорядились снять с занятий школьников в помощь взрослым. По колхозу «Гигант» определили норму - 10 центнеров. Отличилась овощеводческая бригада, где бригадиром в годы войны был «Огородник Коля» - Шорстков Н.М.

В колхозе «Большевик» лучшей чабанкой была 11-летняя Аня Пермякова. Перед войной она закончила два класса Зактуйской начальной школы.

В колхозе им. «Карла Маркса» на разных работах старался Дондой Батуев. Мальчик жил в местности Илтыкшин, успешно закончил четыре класса. Зимой - на лесозаготовках, а летом - на сенокосе всегда был первым. Работал прицепщиком, конюхом. Как-то оказался в Кемерово - всю войну работал в шахте.

**Из статьи в районной газете
«Дети войны - дети Победы»**
Кырен
Тункинский район

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Дети войны, вы детства не знали.
Ужас тех лет от бомбёжек в глазах.
В страхе вы жили. Не все выживали.
Горечь-полюнь и сейчас на губах.*

*Дети войны, как же вы голодали...
Как же хотелось собрать горсть зерна.
На зрелых полях колосья играли,
Их поджигали, топтали...Война...*

*Чёрные дни от пожаров и гари -
Детским сердцам непонятны они.
Зачем и куда тогда вы бежали,
Всё покидая, в те горькие дни.*

*Где ж вы, родные мои, отзовитесь?!
Сколько же лет разделяло людей?
Дети войны, как и прежде, крепитесь!
Больше вам добрых и радостных дней!*

*Вы смотрели в глаза тех детей,
Знает кто о войне не из книжек:
Потерявших отцов, матерей,
С умным взглядом незрелых детишек?..*

*Их, прошедших все годы войны,
Не пугают небесные грозы,
Но боятся они тишины -
В ней таится немая угроза.*

*Нападения страшной беды,
Что страшнее жары и мороза.
И в судьбе оставляет следы
Злых деяний, насилия...слёзы...*

*Над детьми, что убила война,
Валуны скорбно приняли позы,
И склонилась над ними страна,
И стоят часовыми берёзы.*

Светлана СИРЕНА

ОТЕЦ МОЙ!

Когда началась Великая Отечественная война, наша семья находилась в ссылке в Красноярском крае. Моя мама Дарима Гомбожаловна, в то время молодая женщина, работала в леспрохозе, валила лес, сплавляла его по рекам Мане и Енисею. Дома днем мы её никогда не видели. Утром вставали на столе чекушка молока и пятак картофелин. Брат мой Володя, которому в то время шёл шестой год, одевал, обувал меня. Мне было где-то около трёх лет, Володя брал молоко, рассовывал по карманам картошку и шли мы в детские ясли.

А отец наш, рядовой красноармеец Будацыренов Буда Раднаевич, был призван на фронт из Красноярска. Он был участником боёв за Сталинград, воевал в 780-ом стрелковом полку 214 стрелковой дивизии. В похоронке, которую мы получили, писалось, что он погиб, проявив героизм и мужество. Был ранен и умер от ран в 1944 году, похоронен в г. Тбилиси на братском кладбище в местности Кукий, что находится неподалёку от города. Мама рассказывала, что она получила вещмешок с личными вещами отца, в нём кружка, миска, ложка, бритвенный прибор, который точится о кожаный солдатский ремень, и документы: наградные удостоверения, орден и медали, Правда, медали утеряны, в детстве часто играли в «войнушку». Мы жили на опушке леса, рядом протекал чистый ручей. Он уже замерз, и мы ребяташки, несмотря на холод и на рваную одежку, катались на льду и подолгу рассматривали травку, листики сквозь лёд. Прибегает как-то Лида Чойнжурова, старшая сестра моей подружки Раи, которая была старшей в нашей ватаге и училась в первом классе. Она сообщила нам, что в деревню привезли раненого красноармейца. К тому времени война уже закончилась, это был где-то 1946-1947 гг. Видимо, раненого привезли из госпиталя. Всем хотелось увидеть героя и мы, долго не думая, побежали в деревню. Мой брат Володя не хотел брать меня с собой, так как я была самой маленькой. Но я такой крик открыла, что пришлось ему тащить меня с собой. В деревне, конечно, никто нас не ждал, никто не открыл, не показал. Мы, как ни старались, ничего не увидели, и тут старшие ребята решили спеть песню, стоя под окнами. Спели, как смогли, но я запомнила слова из песни: «Там пушки грохочут, Там танки гремят, Во поле солдатики Убитые лежат». Прокричав свою песню, побежали по домам. Было очень холодно, ветрено. Брат думался, поправляя мой платок на голове, который норовил сползти то на глаза, то на затылок. Прибежали домой, а дома - никого, холодно, голодно. Решили затопить печь, согреться. Не знаю как, но Володе удалось растопить печь. Мы с ними стали толкать друг друга, что бы отвоевать больше места у открытой топки. Распахнули одежку, чтобы быстрее тепло достигло тела. Вдруг из разгоревшихся дров с силой вылетел горящий уголёк прямо мне на грудь и прилип. Вот было крика и слёз, вот согрелись, так согрелись. Шрам от ожога остался на всю жизнь. Когда мама возвращалась с работы, мы не знаем. Уставшие и голодные, мы засыпали, и только ночью, при свете керосиновой лампы, спротонок чувствовали, что мама нас раздевает и кормит.

После войны в 1948 году мы вернулись на родину. Жить было нелегко. Пришлось покататься. Сначала жили в Улан-Уде, потом в Нарин-Кундуе, Энхэ-Тале, мама оставляла нас у родственников. Времена тогда ещё были тяжёлые, послевоенные. Страна ещё не оправилась от войны, все жили впроголодь, Своих детей полно, тут ещё мы добавились. Но мама всегда говорила, что несмотря на тяжёлую жизнь, ни один из родственников не попрекнул ни в чём. Конечно, был бы отец, всё шло бы по-другому. Оставляя нас у родственников, мама искала работу. Наконец, она устроилась уборщицей и сторожем в редакции «Кударинский колхозник». Сразу забрала нас к себе. Нам дали комнату в доме типа общежития. Там жили три семьи. Редактором газеты «Кударинский колхозник» в то время была Громова Августа Ивановна, высокая, красивая, добрейшая женщина. У неё было двое детей, Алиса и Володя. Алиса, моя одноклассница. С ней проучилась с 1-го по 10 класс. Алиса стала известной журналисткой. В Кудара-Сомоне были две средние школы - бурятская и русская. Мы не знали бурятского языка и нас отдали в русскую школу. Нам, я думаю, повезло. Мою подружку Раю Чойнжурову, когда их семья вернулась из ссылки на родину в Большой Луг, оставили на второй год в первом классе из-за незнания бурятского языка.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

В те 50-е годы все предметы велись на бурятском языке.

Тяжелее всего пришлось нашей маме: кормить, одевать, учить нас и всё одной. Получали, конечно, мы пенсию за погибшего отца, но всё равно не хватало. Помню время, когда занимали с ночи очередь в магазин, где продавали хлеб. Если хлеб был с довесками, то эти довески съедались прямо по дороге. Наступил 1953 год. Помню день - 5 марта... Училась я в четвёртом классе. Нас учил молодой замечательный учитель Владимир Семёнович Писарев. Мы очень любили его. Помню, он читал нам сказку при керосиновой лампе «Али-Баба и сорок разбойников». Мы заворожено слушали. Он разучивал с нами песни. Одну из них, со словами «то березка, то рябина», помню до сих пор. Тогда не у всех было радио, не все писывали газеты. На классном часе Владимир Семёнович сказал, что заболел наш любимый и великий вождь И.В.Сталин. Кто такой Сталин, нам не надо было объяснять, мы все хорошо знали. И вот 5 марта. Всех собирают на линейку. Директор школы Коновалов Пётр Илларионович объявил, что умер Сталин. Все рыдали, занятия отменили, мы пошли домой. Дома мама попросила занести дрова. Я захожу с охапкой дров и плачу. Мама спрашивает: «Что случилось?» Я ей говорю: «Ты, мама, разве не слышала, что Сталин умер? Все плачут». А мама мне в ответ: «Вот дурочка. Знала бы о ком ты плачешь». Я удивилась. Оказывается, о Сталине мы многого не знали. Мама говорила на бурятском языке, на русском - с большим акцентом. Быстро летели школьные годы. На каникулах, в основном на летних, мы втроем крутили печатный станок, печатали газету «Кударинский колхозник». Станок был очень тяжёлым, но это был наш вклад в семейный бюджет. Однажды, наш односельчанин, съездивший в город, рассказал, что видел сны отца в Улан-Уде. Возвращается, мол, домой из госпиталя, где лежал раненый. Услышав новость, я побежала домой, как ошпаренная, забыв про уроки, про сумку с учебниками, лишь бы узнать у мамы, правда ли это. Когда добежала, наш дом был полон людьми. Сидели братья отца, приехавшие из Энхэ-Талы: дядя Бато-Очир, дядя Дарма, дядя Гончик, а также соседи. Все чинно-важно разговаривали и пили чай. Радостно смотрели на меня, на брата, на маму говорили, что наши мучения наконец-то закончились. Мы с братом от счастья были на седьмом небе. Под вечер гости разошлись, разъехались. На завтра мы с братом побежали на речку, стояли на мостике и вглядывались вдаль, не покажется ли отец. И так каждый день. До позднего вечера мы всматривались в каждую проезжавшую машину, телегу, путника. Но время шло, пролетела неделя, другая. Мы похудели, почернели. Мама, беспокоясь о нашем здоровье, достала из сундука бумаги, среди них - похоронка на отца. Мы читали эту зловещую бумагу, но надеялись на чудо. Но увы, чудо не произошло. Отец не приехал. Мы рыдали втроем, каждый думал о своих несбывшихся надеждах. Мама, успокаивая нас, все сетовала: «Кто же так жестоко обозначал?»

Прошли годы, десятилетия. Мы уже на пороге семидесятилетия со дня окончания этой жестокой, кровопролитной войны. Но память не отпускает события прошлых лет, не тускнеет от времени образ погибшего отца, похороненного вдали от бурятской земли. Все чувства, мысли, любовь к отцу и боль утраты выразила в стихотворении о своем отце:

*Отец мой! Я гляжу на твой портрет,
Висящий над моей кроватью.
Уж много лет прошло, но изменений нет,
Ты был как молод –
так остался вечно молодым,
А я тебя пережила на много лет.*

*Отец мой! Каждый день, проснувшись,
Я вновь и вновь гляжу в твои глаза.
И кажется порой,
глядят они задумчиво, то нежно.
Что хочешь ты сказать уж
Постаревшей дочери своей?*

*О том как ты ушел на фронт,
Оставив нас в чужом краю,
В тайге, в глуши лесов сосновых.
А может быть о той войне,
Где был смертельно ранен.
А может быть, ты думал обо мне,
Хотя ни разу ты меня не видел,
А я прикосновенья рук твоих не знала?*

*Отец мой! Все прошло,
все пролетело без тебя,
И детство, юность, зрелость и
Впереди уже маячит старость*

*И все равно на склоне лет,
Я часто думаю о тех
несбывшихся надеждах,
Что в детстве так не доставало мне.*

*Хотелось видеть мне тебя
Не на портрете – наяву,
Чтоб ты держал меня за ручку
А я такая гордая тобой
Шла и улыбалась миру.
Будь проклята война!
Давайте помнить тех,
Кто не дошел до отчего,
Родимого порога.*

**Нина Будаевна
НУРТЫНОВА (БУДАЦЫРЕНОВА),
1941 года рождения,
заслуженный учитель Бурятской АССР,
отличник просвещения СССР,
ветеран педагогического труда**

ЖДАЛИ ЖИВЫМИ

Война... Это страшное слово услышала впервые из чёрного, круглого радиоприемника. Мне было 7 лет. Училась в Ульзутуйской начальной школе Кяхтинского района. Меня приветливо встретила учительница Елаева Елизавета Гавриловна, муж которой уже воевал на фронте. Есть было нечего. Помню, по дорогам постоянно шли обозы телег, нагруженных продуктами и вещами в фонд оборонных стран. Часто собирались в сельском клубе, сдавали тёплые вещи, продукты и отправляли на фронт. В школе нас кормили. Один стакан чая и кусочек чёрного хлеба, которые нам давали в день, были такими вкусными, что забыть нельзя. После уроков собирали колоски на сжатом поле и по зернушку чистили. Вычищенные зёрна молоты на ручной мельнице, лепили лепёшки и жарили на плите, тем и питались. Учились с большим интересом. Каждый день слушали сводки Совинформбюро и узнавали о том, что происходит на фронте. Мы не по годам становились взрослыми, были чутки при восприятии новых событий. И темы уроков были о войне, о том, как наши солдаты и партизаны вели кровопролитную войну с фашистами. Стихотворение, которое учили в начальных классах, до сих пор звучит в ушах.

*Из Берлина полк эсэс
Завалился в русский лес
Лез он, лез он, лез
И лез он до небес...
Наш разведчик в полушубке
Захватил бандита в юбке:
«Не хотите ли мадам,
Я вас трону по зубам?»*

Все уроки только о войне, о том, как наши отважные солдаты в пух и прах разбивают немецкие машины и танки.

Стали приходиться письма и похоронки с фронта. Стали возвращаться раненые, принося страшные вести о потерях друзей и однопольчан. Вся деревня собиралась в одном доме и с большим вниманием слушали раненого фронтовика, расспрашивали о своих родных и близких. Вскоре на наших дорогах стали появляться американские машины, называемые «студебеккерами». Привозили американские консервы в белых плоских банках, они казались необыкновенно вкусными и были большой поддержкой для нас, голодающих детей. Мы, дети, продолжали учиться.

1945 год. Кончилась эта страшная война. Эта была большая радость. Все ликовали и плакали. Не верили, что на самом деле происходит. Но многие из детей бросали учёбу. Дома нет кормильца, приходилось работать равные со взрослыми. За учёбу платили 150 рублей в год, по тем временам большие деньги, но где их было взять. Хочется рассказать об одном человеке, который вернулся из пекла войны живым. Это Жигжитов Намсарай Гарматович наш отец и дед. Родился он в простой крестьянской семье. Перед войной отслужил срочную службу, вернулся домой, но шинель сапоги не снял, пошел работать в милицию в городе Кяхта. В ноябре 1941 года его отправили на фронт. Семья с двумя детьми вынуждена была переехать в деревню Большой Луг. В одном из боёв был ранен. Два месяца пролежал в госпитале, затем снова на передовой. Начал войну рядовым солдатом, а закончил старшиной. Защищал Москву, освобождал Киев, Харьков, участвовал в Ясско-Кишиневской операции, брал Будапешт, дошёл до Австрии. В Вена закончил войну. После ранения, он служил при штабе дивизии, потом корпуса. Командиру корпуса генерал-лейтенанту Семёнову А.И. по-

нравился сметливый, цепкий степняк, с орденом Славы на груди, расторопно выполнявший все поручения. Боевой командир назначил его своим ординарцем.

**Мария Самбуевна ЖИГЖИТОВА
заслуженный учитель Бурятской АССР,
ветерана педагогического труда
Кяхта**

НАС УЧИЛИ ВОЕВАТЬ

В феврале 1943 г. Тульский РВК Краснодарского края собрал юношей 16-17 лет из станиц Тульской, Абадзеской, Даховской и других на железнодорожной станции Хаджах в станице Каменомостской. Началось обучение молодёжи искусству воевать в горах. Горно-стрелковое формирование состояло из четырёх взводов по 120-130 человек в каждом. Занятия проводились в станционном клубе. Жили мы на квартирах у местных жителей и никаких столовых, бань, полигонов не было. Изучали стрелковое вооружение, тактику ведения боя в горах, горно-вспомогательное снаряжение. Занятия проводили офицеры из действующей армии. Огневая подготовка велась на реке Белой, стреляли по мишеням на левом берегу реки. В середине августа 1943 г. наше формирование продолжило учёбу непосредственно в горах на Кавказском перевале. Шли по туристскому маршруту с выходом в г. Сочи. Утром нашему формированию были приставлены два проводника – егеря Кавказского заповедника. Начался подъем на горный перевал. В руках альпенштоки с металлическим наконечником, на ногах ботинки с кошками, скреплены с карабинами к верёвке впереди идущих, а за спиной боевые винтовки. Под ногами лёд, туман, ничего не видно. А мы поднимаемся всё выше и выше... Это был путь только для молодых. На вершине перевала мы увидели горное плато и бойницы, выложенные из крупных камней. Егеря нам рассказали, что здесь проходил бой с немецким горнострелковым корпусом. Моряки черноморцы полностью уничтожили врага, который через перевал пытался пробиться к Сочи.

**Василий Антонович БЕЛОУСОВ
Заслуженный работник образования
Республики Бурятия
Улан-Удэ**

РОДИТЕЛЕЙ СВОИХ ВСЁ ЧАЩЕ ВСПОМИНАЮ

*И почему-то снится мне война.
Мне дети говорят, что я скучаю
Свеча поставлена за упокой уж не одна
Приснился мне отец,
Он в госпиталь попал, был ранен и контужен
С теплом и болью вспоминаю дом,
Со страхом думал, что никому не нужен
И как победу в госпитале повстречал
От радости смеялся он и плакал
И как медаль он получал,
что за победу в 45-м,
И радости той не было конца!
И боль вся от ранений притупилась
С мечтой о встрече с домом и землей.
Желание пахать и сеять появилось
Я вижу маму – труженицу тыла,
В свои четырнадцать, босую под коровой,
Работая в ту пору «на победу»
Должна была быть сильной и здоровой.
То время мама часто вспоминала
Трудились как, как мерзли, голодали,
Но все ж всегда жалела война-солдата:
«Ведь им труднее, в нас ведь не стреляли».
Жалела очень вдов
и чем могла их детям помогала
А отдыхала лишь ночами,
когда прятала или вязала.*

*Я просыпаться не хочу,
Здесь мама и отец и оба живы,
И если б не проклятая война,
Они бы может быть еще пожил.
Потери наши не восполнить
и горя глубину не передать
Я заклиная всех об этом помню
И своим правнукам об этом рассказать.
Победа нами не должна забыться,
Хоть сто пройдет и двести лет,
А ветеранам всем хочу я в пояс поклониться,
Здоровья пожелать и долгих лет!*

**Галина Петровна ЧЕРНЫХ
Никольск. Мухоморский район**

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

БАЙКАЛЬСКИЕ
НАПЕВЫ

*Мы - дети, осиротевшие рано,
Наследники байкальских рыбаков,
По сей день не залечившие раны,
Мы сами в возрасте уж стариков...
И почему мы ныне не ветераны тыла,
Мы все ведь возрастом –
ровесники войны.
И почему-то Родина забыла,
Кто строил славу всей страны...*

Это строки из стихов нашего одноклассника, общественного и государственного деятеля, поэта, Заслуженного работника культуры Российской Федерации и Республики Бурятия, депутата Верховного Совета РБ XII созыва, министра культуры республики в 1990-1994 г.г. Николая Юрьевича Мадужева.

Родился он 19 октября 1938 года в улусе Среднее Устье Корсаковского сельсовета Кабанского района. В 1941 году, с началом Великой Отечественной войны, его отец Юрий Хабаевич ушел на фронт защищать Родину. Об этом очень проникновенно сын написал стихи «Похоронка», где есть такие строки:

*«...Всего три года было мне от роду,
Когда отца призвали на войну.
Я помню, много собралось народу,
Не знал я,
кто напал, на чью страну.
Не понимал,
зачем так люди плачут,
Ведь слишком маленьким
тогда я был...»
«...Себя я помню на руках отца – солдата
Зачем-то громко я по-детски выл,
И с этих пор храню в себе
я свято,
Его я помню до сих пор
и не забыл...»*

Однако Юрию Хабаевичу не суждено было вернуться домой. И опять всплывают строки из этого стихотворения:

*«... Спустя полгода,
там, под Ленинградом
Погиб боец, отец мой дорогой,
Не уцелел,
погиб боец бесстрашный
В апреле, в разгар большой войны.
«...Я смутно помню: мать рыдала
От горя и печали, и тоски;
Уж сколько лет с тех пор не стало
И раны сердца тоже отлегли.
Она осталась так вдовой солдата,
А я остался полусиротой...»*

Сына вырастила мать Софья Семеновна, воспитав в нем упорство и настойчивость в достижении цели, честность и добрый характер. Хотя он был единственным сыном, оставил богатое наследство – четыре дочери и сына. Растут внуки. Как говорят у бурят: «Гансаһаа газар дуурэхэ».

Очень приятно, что к 75-летию юбилею Н.Ю.Мадужева его дочери при поддержке министерства культуры РБ и национального театра песни и танца «Байкал» выпустили сборник стихов «Байкальские напевы». Так отцовские заветы и мечты претворяют сегодня в жизнь дети и внуки.

Тамара АБИДУЕВА
ветеран труда

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Кяхта – «Песчаная Венеция». На окраине, которая называлась Вершиной, бил горный ручей чистой воды и горы золотого песка, в котором любила купаться детвора. Мы жили в центре, напротив музея. Большая семья. Мама награждена медалью «Материнская слава». Была доброй, хлебосольной, знала одно ругательное слово – «язва». Большой дом с парадным крыльцом. Большой двор. Колодец, воду качали колесом. Был флигель на две половины. В одной жила семья шофера. Маленькая дочка часто болела, я с ней играла. Мать поила чаем, давала большой ломоть хлеба, мазала маслом и малиновым вареньем. Думала, что лучшего лакомства не бывает. Во второй – жили Намсаевы, много ребятишек, с которыми и дружили, и дрались. На рынок сельчане везли всякую снедь, лагуны с топленым молоком, вкусными пенками, сладкую черемуху, кульки капустных листов, киранское мраморное мясо. На ночлег знакомые оставались у нас. Я была отхончиком, меня любили, гладили по головке, доставали из-за пазухи хургут (плитка сушеного творога), угощали. Вкуснятина!

Играли в войну – красных и белых, классики, прятки, догоняшки, скакалки. Любили изображать учителей, врачей, продавцов. Дети постарше играли в лапту, городки, шагайки. Игрушки-самоделки, куклы из тряпочек, рисовали глазки, носик, ротик. Камушки, стекелки, песочек. На новогоднюю елку игрушки тоже самоделки из оберток конфет и ваты. В школу ходили с 8 лет. Холщевая сумка, чернильница-непротливашка. В первом классе было 40 человек.

По соседству с нашим домом был небольшой трехэтажный дом бывшего купца Матренина. В нем селилось городское начальство, в том числе и военное. Жила директор музея Орлова Алефтина Николаевна – верная хранительница. Во дворе большой флигель, где жили музейные служащие – старые девы, без семей. Я им носила молоко, яйца, они меня угощали чаем, конфетами. Очень красивая посуда, красивые вазы. Так же там жили какие-то мужчины, вероятно, из «бывших». О них, помню, однажды рано утром отец с матерью разговаривали шепотом, но я услышала, что ночью их арестовали, опечатали большой сарай с книгами. Я очень любила музей. Ходила часто по его залам, боялась большого медведя, который стоял у входа. Боялась оставаться одна в зале с хищниками, пауками, змеями. Подолгу была в восточном зале. Красивая посуда, вазы, изделия из слоновой кости. Красивые женщины в кимоно с веерами, детскими ножками сидели в колясках. В богатых китайских семьях девочкам с детства зашивали ножки в кожу. Ходить они не могли. Богатейшая коллекция бабочек, которые меня удивляли своей красотой. С детства и до сего дня их люблю, они у меня порхают дома. Поэт А. Фет написал настоящей гимн бабочке. Восточного зала давно уже нет. Работники музея пояснили, что он исчез в порядке обмена фондами. Но я думаю, что причина была самая банальная. После Орловой А.Н. (царство ей небесное) порядки в музее стали иными.

Появилось радио – большая черная тарелка. Слышались красивые песни: «Широка страна моя родная», «Катюша», «Каховка», «Ой, туманы мои растуманы» и другие.

И вот страшная беда – война!!!

В 41-м пошла в 3-й класс. Были октябратами, пионерами, тимуровцами. Собирали металлолом, макулатуру, шили кисеты, наполняли табаком-самосадам. Матери вязали носки, варежки. Относили все в школу для фронта. Хлеб по карточкам – 250 гр. иждивенцам, 400-500 гр. – рабочим. За хлебом были большие очереди. Летом всей улицей мы – дети занимали очередь с ночи, спали вповалку у магазинов, утром приходили матери.

В школе на большой перемене дежурный раздавал кусочек черного хлебушка – 50 гр., как спичечный коробок. Его помню всю жизнь. С пятого класса со школой ездили в лес, заготавливали дрова для школы, работали на полях. Постарше – работали вместе с родителями. Отец – Коротяев Степан Осипович (в церковной книге – Стефан Юзевич – польских кровей) закончил реальное училище, обладал почерком удивительной каллиграфии. В Первую мировую был писарем, дошел до Бессарабии. В годы революции – красным партизаном. Когда наступал барон Унгерн, могли арестовать. Предупредил отца зять – муж сестры Александры и отец успел скрыться в лесу. Мирная профессия

отца – печник, известный всему городу, знал даже секрет кладки печки-голландки. Сохранились почетные грамоты горсовета Кяхты. Я помогала ему, чистила кирпичи (как вспомню, так вздрогну, неужели я могла это делать!), готовила раствор. Поливала картошку, носила большие ведра с водой. На моих руках росла маленькая племянница Зоря. Мать не жила дома, отец был на фронте. Когда сходил снег, собирали колоски на полях, толкли зерно, поджаривали, получалась зутурна. На стакан кипятка – 3-5 ложек его. Спасал от голода.

Закончили десятилетку двое – я и Киришча Перевалов, умер молодым. Брат Леонид закончил школу ФЗО, работал в совхозе, 18-летним призван в армию. Через полгода был отправлен на фронт. Пришла похоронка (она сохранилась), в ней: «Ваш сын погиб 17 марта 1944 в первом бою, проявив героизм и мужество, верный воинской присяге. Похоронен в братской могиле близ деревни Жолкино Брестской области Белоруссии». В 1986 г. мы с мужем поклонились могиле брата. На обелиске более 30 фамилий. Жители рассказывали о славной традиции – у обелиска принимали в пионеры, комсомол, проводился митинг 9 мая, на школьной линейке зачитывали имена погибших.

Лёня был добрым, солнышко щедро его одарило веснушками и рыжими волосами. Его дразнили «Рыжиком», от обиды плакал. В армию ушел в штанах, сшитых мамой из далембы. Не поцеловал ни одной девочки. Помню такой эпизод: отец как-то увидел Лёню в огороде с самокруткой из газеты, набитой табаком-самосадам, отстегал его ремнем. Мы плакали вместе с братом. Нас родители никогда не били. Сейчас Лёня было бы около 90 лет, а война забрала его 18-летним.

В 7 классе учительница Полина Георгиевна Толстихина принесла на урок газету со страшной фотографией – казенная фашистами с веревкой на шее Зоя Космодемьянская. Все девочки плакали. В знак памяти Зою почти всем классом стали комсомольцами.

9 мая 1945 г. сама природа радовалась Победе. Был теплый солнечный день. Весь город бежал в Горсад, где с утра играл духовой оркестр. Радовались, танцевали, целовались, и конечно – горькие слезы, слезы утрат, потерь...

В 1948 г. я поступила в пединститут на истфак. В группе было 6 фронтовиков. Мы даже не знали об этом. Орденов, медалей они не носили. Жили в общежитии, учились на стипендию, как и мы, вчерашние школьники. Считали фронтовиком только Жамсарана Доржиева. Лицо – одни сплошные шрамы, без бровей, ресниц, ушей, без руки. Танкист, горел в танке. Мы даже на него глядеть боялись. Фронтовик Кеша Романов получил на экзаменах по политэкономии тройку и преподаватель сказал: «Романов, получить стипендию не будешь». Кеша с обидой ответил: «Что я зря на фронте кровь мешками проливал?». Опомнились в деканате, а мы однокурники – удивились, чторядом с нами герой-фронтовик.

На 3 курсе я была членом комитета комсомола, вела культмассовый сектор. Танцевальный кружок вели Лариса Сахьянова и Петр Абашеев. И вдруг – подарок судьбы! Ректор института Рампилова Е.А. за хорошую работу наградила нас бесплатной экскурсией в Москву на 10 дней. Это было чудо! 1950 год. Красная площадь, мавзолей Ленина, Третьяковка, метро – все как во сне. Жили в Троицко-Сергиевой Лавре, в общежитии духовной семинарии. Эта традиция сохранилась при ректорстве Елены Александровны. Получили дипломы. Скромная студенческая свадьба, от группы – царский подарок – 6 глубоких и 6 мелких тарелок и супницы без крышки. Прожили с мужем Николаевым Виктором Гавриловичем 55 лет! В войну он три сезона работал в рыболовецкой бригаде. Рос без отца. Как старший, заботился о брате и двух сестрах.

Группа была дружной, ездили на экскурсии, побывали в Кяхте. В комнатах жило по 5-8 человек. Дежурный с утра на маленькую плитку ставил большую кастрюлю с холодной водой, бросал туда пельмени и к нашему приходу с занятий, горячая похлебка была готова. В группе училась с нами Надя Олзоева.

Почему-то она полюбила меня и моих подружек. Добрейшей души человек, на пять лет старше нас. Отец работал на ПВЗ, мать – домохозяйка, большая семья. Бывало скажет: «мама купила головы бараны, делает лапшу, ждет вас, девочки». С 1963 года, когда мы стали жить в Улан-Удэ, в мартовские каникулы ежегодно больше 10 лет встречались группой у нас в доме. Замечательно! Такая дружба! Все однокурники стали прекрасными учителями и директорами школ, удостоены почетных званий и наград. Никто не спился, девушки некурящие всю жизнь. Осталось от группы трое – я, Галя в Онохо, Лена в Кабанске...

В молодые годы мечталось посмотреть мир. И удалось! Вместе с мужем побывала почти во всех столицах союзных республик, в семи странах Европы, увидели памятные места Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Сочи, Крыма, Одессы, Севастополя, была в Шушенском, Бресте, Хатынь, в Бабьем Яру и Саласпилсе.

Людмила Степановна НИКОЛАЕВА,
заслуженный учитель школ Бурятии
Улан-Удэ

В ТБИЛИСИ ПОДОЖДУТ...

Мой отец Шаварен Степанович Базаян работал начальником почты, мать – учителем начальных классов. Когда началась война отца призвали в армию связистом. Осталась мать с малолетками: старший брат с 34-го, сестра с 41-го, а я – с 38-го. В городе Алхалаки, как и у всех в Грузии, не хватало еды. Мы, ребятишки, были вечно голодные и холодные, весь день бегали босиком, а вечером ждали маму, что принесет хоть что-нибудь покушать. Ходили по деревням, попрошайничали. Нас забрасывали камнями, это было как в бреду. Шрам от камня остался... Летом кушали дикую траву, крапиву, лебеду, а осенью после сбора урожая, собирали колоски пшеницы, ячменя, овса, а также мелкие картофелины, что в поле остались. В 1946 году с фронта вернулся отец – с одной ногой. И сразу же пошел на работу. В школу мы ходили переростками. После школы отец отправил меня к дяде в Тбилиси, где я поступил в техническое училище. Работал фрезеровщиком на авиазаводе. Призвали в армию. Служил в стройбате дорожным мастером, возводил ракетные объекты Подмосковья. В армии вступил в члены КПСС. После службы вернулся в Тбилиси и поступил в финансово-экономический институт, работал экономистом на оборонном заводе. В Улан-Удэ приехал к другу, вместе служили в армии. Да так и остался. Работал в Зверсовхозе, построил дом, вышел на пенсию. В Тбилиси живут дочери, зовут домой, но мне интересно здесь, в Улан-Удэ.

К.Ш. БАЗОЯН

Комментарий Э.З.Долгоновой, председателя республиканской организации «Дети войны».

– Климентия Шаваршовича два года назад избрали в правление Октябрьского районного отделения. Этот человек сумел учесть всех детей войны, проживающих в районе – 6430 человек. Составлен Список не только в рукописном, но и в электронном варианте. Проведен скрупулезный анализ состава организации по материальному положению, по социальным льготам. Одинокие и малоподвижные в дни рождения поздравляются открытками, посещаются на дому.

На снимке: правление организации «Дети войны» Октябрьского района. На переднем плане К.Ш.Базоян.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

НАШЛИ.
ТУ БЕРЕЗКУ...

Я с 1929 года. Когда началась война, жили мы в Удмуртии, в городе Можге. В семье родителей было пятеро детей: четыре дочки и сын. Отца, Полякова Василия Никифоровича, призвали на фронт в первые дни войны, хоть ему тогда исполнилось уже 40 лет.

Боялись мы, как жить будем одни, без отца. Мама, Полякова Мария Варламовна, понимала, что ей одной предстоит пережить тяжелые времена. Она осталась одна с пятью детьми. Младшей сестре всего два года, старшей пятнадцать. Я была вторая. Старшая сестра тогда уже работала бухгалтером. На меня ложилась вся работа по дому и огород. Учились в школе, занятия не пропускали. После школы работали по домашнему хозяйству. Огород и кормил. Морковь, помидоры, капуста, картофель – всё садили и ели своё. Как до сих пор вспоминают мои сестры, «сидели на грядах». В мои тринадцать лет мы пошли с мамой заниматься на работу в колхоз. Она хорошо жала серпом и меня научила правильно вязать снопы и ставить суслончики. Три года мы работали так. Ходили на заработки по неделям. Работать начинали чуть заря и ... дотемна. Председатель тогда говорил: «Все фронту!». Жать овёс - милое дело – стебель мягкий, рожь - высокая, а ячмень жать опасно, он как раз ростом с меня и жесткий, мог запросто попасть в глаза. Работали в тридцати – пятидесяти километрах от города. Если б не работали тогда в колхозе, не выжили бы. Приходили домой в субботу вечером, приносили с собой 8 килограммов муки, пекли хлеб на неделю моим младшим сёстрам и брату, мама по ночам стирала. Утром ходила на станцию и продавала, на эти деньги покупала нам одежду. А в понедельник снова уходили на неделю. И так три военных года каждое лето. В общем-то, мы не голодовали, и это все благодаря маме, она научила нас трудиться. Вечером она обязательно кормила нас печеной картошкой и печеной луковицей, вот и мы не болели, это, наверное, нас лук спасал. Пекли в печи на углях. Почистим и съедаем, да и шелуху черную тоже ели. Ну, а хлеб, мыло, сахар, соль мы могли покупать. Помню, как покупали сахар: и песок, и головы сахарные. А хлеба, конечно, не хватало. Зимой в очереди за хлебом всю ночь стояли. Хлеба я только в 1947 году досыта наелась. И не только я, многие так говорят. С мамой ездили в лес, готовили дрова и на санках возили их домой, чтобы топить печь. Мясо привозили из колхозов, иногда ели, правда, не часто.

В Можге был свой маслозавод. И если позволяли деньги, можно было купить масло, сметану, молоко, и брали иногда, но редко. Мама говорила: «Купите немножко творожку». Мы и ходили. Ходить далеко не боялись. В городе было спокойно. Все заводы в военное время работали: и стеклозавод, и «Дубитель», и деревообрабатывающий, и кожевенный завод, и маслозавод.

Мама неграмотная была, не работала, точнее, работала дома. Она хорошо вязала. Вязала нам вещи, вязала вещи на продажу. Отец имел своих лошадей, закупал для себя крупы: гречку, пшенику. Мы первое время в войну жили этим запасом.

Мама истопит баню, добавит в чан полведра золы и такой водой нас мыла и стирала ею же. Все смотрела, чтоб вши у нас не завелись, чтоб одежда и белье было чистое. Мама никогда не плакала. Может и плакала, конечно, но никогда не показывала слез. Отец в письмах писал: «Дети, слушайте матери, не доставляйте ей неприятностей». А мы, получив письмо от отца, прочитаем и сидим тихо вокруг стола.

Одежду перешивали и одевались, как могли. Как-то маму вызвали в отдел защиты детей. Она пришла, принесла оттуда что-то, сверток какой-то, вывалила все. «Настя, это вот тебе, наверное подойдет!», - подает мне куртку. Нам помогли с одеждой как многодетной семье. Но, правда, только один раз. «Мама, зачем же ты брала». «Ничего, будет в чём в школу ходить».

Недалеко от нас проходила железная дорога. Мы иногда бегали смотреть, что везут. А везли танки, пушки, солдат, лошадей. Мой отец сопровождал лошадей в вагоне. Он на фронте подвозил снаряды к пушкам. Погиб в феврале 1945 года. Всю войну прошел. Погиб в Калининграде. Пришла похоронка, а сослуживцы отца в пись-

ме описали то место, где он погиб. Написали, что есть березка, на которой высечены имена погибших на том месте. Моя сестра с мужем ездила туда. Очень долго искали место, где похоронен отец. Подавали запросы в архивы, и только в 2005 году нашли могилу отца под Калининградом, когда там началось строительство дороги. Нашли поляну и ту березку, попросили местные власти выкопать останки и захоронить их в братской могиле. Так и сделали. И обелиск поставили. Останки перенесли в братскую могилу, и на памятнике появилась фамилия папы.

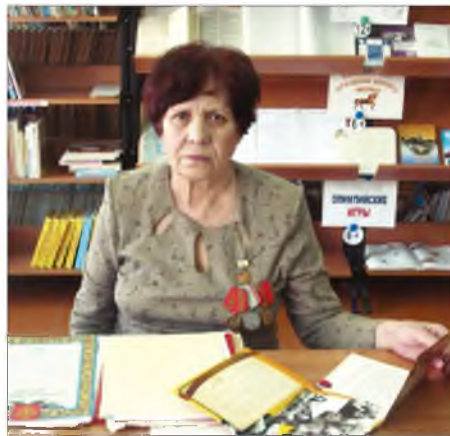
Радует, что лежит он не один, а вместе со всеми, кто защищал город. Два месяца не дождался Победы.

А мама прожила 93 года, вырастила нас, всем дала образование. Я учитель, другая сестра – воспитатель, брат – шофёр, младшая сестра работала на заводе в секретной военной части в городе Ижевске. Мама всю жизнь работала и нас к труду приучила. Мы учились, а летом работали. Труд закаляет человека. Надо молодёжь приучать к труду, он еще никого не избаловал. Если б мы в войну не трудились, мы не выжили бы.

Анастасия Васильевна БУРЛАКОВА
Мухоморский район

ВОЙНОЙ
НЕ СЛОМЛЕННАЯ

Из воспоминаний блокадницы

Алея Абдуловна ВОРСОВА (ЕНАЕВА).
Улан-Удэ, 2014 г.

Ворсова (Енаева) Алея Абдуловна родилась в Ленинграде в 1939 г. Ей было всего два года, когда началась война. Она росла самой младшей в семье из пятерых детей, с двумя братьями и сестрами. Мать воспитывала их одна, оставшись вдовой, после того, как отец ушел на войну и не вернулся. Холод, голод, страх и отчаяние – то, что заполняло каждый новый день, вытесняя надежду.

Начавшийся в Ленинграде массовый голод, усугубленный особенно суровой первой блокадной зимой, проблемами с отоплением и транспортом, привёл к сотням тысяч смертей среди жителей. Именно голод стал наиболее важным фактором, определявшим судьбу населения Ленинграда. «125 граммов хлеба - суточный паёк на одного человека - служащим, иждивенцам и детям до 12 лет», - вспоминает Алея Абдуловна. При этом до 50 % хлеба составляли практически несъедобные примеси, добавлявшиеся вместо муки.

«Мой старший брат съел кусок хозяйственного мыла, после чего умер. Тогда покойников бросали в общую яму, так мы и похоронили его. Всех нас преследовала голодная смерть», - не только по рассказам родных, но и сама Алея Абдуловна это помнит.

С наступлением зимы в городе практически кончились запасы топлива: выработка электроэнергии составляла всего 15 % от довоенного уровня. Прекратилось централизованное отопление домов, замёрзли или были отключены водопровод и канализация. Остановилась работа практически на всех фабриках и заводах (кроме оборонных). Часто приходившие на рабочее место горожане не могли выполнить свою работу из-за отсутствия подачи воды, тепла и энергии.

Зима 1941-1942 годов оказалась значительно холоднее и продолжительнее обычного. Эта зима по совокупным показателям является одной из самых холодных за весь период систематических инструментальных

Ворсова А.А. с сыном и ученицей 9 класса, соавтором этих заметок Ахминевой Настей. Улан-Удэ, 2014 г.

наблюдений за погодой в Санкт-Петербурге – Ленинграде.

– Вскоре троих детей из нашей семьи эвакуировали, направили в г. Свирск (в то время он считался поселком). – Рассказывает Ворсова. – Старшей сестре было тогда 14 лет. Одного брата уже не было в живых, а меня мама не отпустила, хотела до конца быть со мной, поделиться своим теплом и материнской заботой, не смотря на весь тот ужас, что окружал нас. Сестра матери работала в кондитерской фабрике, была не замужем и помогала нам, как могла. Спустя пару лет, в 1944 г. стали эвакуировать и взрослых людей. Мне было уже пять лет. Мы с мамой отправились в этот же город, к сестрам и брату. Нас сопровождала сестра матери, но на одной из станций ее сняли с поезда, потому что она заболела тифом. До сих пор о ней нет никаких вестей.

Мы прибыли в Свирск, в этом поселке было несколько заводов, в том числе и военный, мама устроилась поваром в столовую. Брат и сестры в это время ходили в школу, а я сидела дома одна. Когда брат возвращался из школы, то брал меня за руку и уводил на работу к маме, в столовую, где можно было хоть немного подкрепиться. Целыми сутками мы не видели свою мать, практически весь день она проводила на работе.

Спать было не на чем, одевать тоже нечего. Я спала на табуретках около печи и однажды обожгла ногу так, что до сих пор остался шрам.

В школу я пошла записываться сама, она находилась в госпитале. Мы так и называли ее: «Школа-госпиталь». Там меня стали называть Алевтиной. Училась я хорошо, была отличницей, занималась художественной самодеятельностью. Закончила 7 классов и в 15 лет поступила учиться в Кутулик, на ветеринара. Получала стипендию. Потом я работала на военном заводе, в одном из цехов и, проработав три года. Работа была тяжелой, в три смены. Планы и задания мною выполнялись безукоризненно. Работала там вплоть до 1963 года. В 1963 г. будущий муж вернулся из армии, прослужив три года. В Доме культуры я занималась самодеятельностью, пела песни. 30 апреля мы с подругой пошли на танцы в этот Дворец культуры,

где я и познакомилась с ним. Он пригласил меня на танец и вот уже как 52 года прошло с того простого, но не случайного приглашения. В ноябре того же 1963-го года мы поженились, переехали в г. Улан-Удэ, где и зарегистрировали свой брак. В то время мой брат уже жил и работал в Улан-Удэ, был отцом пятерых детей.

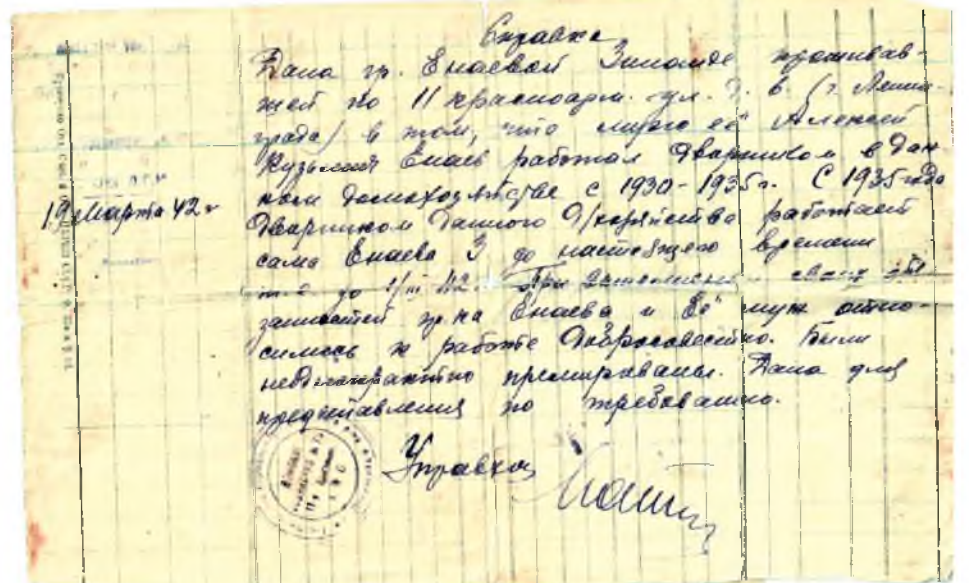
Я устроилась на завод «Теплоприбор». В 1964 г. родила сына Игоря, в 1966 г. - дочь Ларису.

В 1969 г. устроилась в детский сад, где и отработала 28 лет. В 1991 г. ушла на пенсию. В ноябре этого года получила удостоверение «Житель блокадного Ленинграда» и желтую справку «900 дней – 900 ночей».

С 1935 по 1942 гг. брат моей матери и отец работали дворниками в г. Ленинград, были неоднократно премированы. У меня сохранилась справка об этом и именно она помогла мне, стала доказательством того, что я действительно жила в Ленинграде и мне торжественно вручили медаль «900 дней - 900 ночей». Этот памятный знак учрежден решением Ленгорисполкома «Об учреждении знака «Жителю блокадного Ленинграда» № 5 от 23 января 1989 года. На лицевой стороне – изображение разорванного кольца на фоне Главного Адмиралтейства, язык пламени, лавровая ветвь и надпись «900 дней – 900 ночей»; на оборотной – серп и молот и надпись «Жителю блокадного Ленинграда».

Сейчас в живых из моих братьев и сестер никого не осталось. Старшая сестра всегда в День победы угощала конфетами детей на улице, для нее это угощение было как символ мира, как воспоминание о том, чего не хватало детям войны, о чем они и не мечтали в свое блокадное детство. В один из таких праздников, 9-го мая сестра умерла. Этот праздник навсегда останется в наших сердцах не только днем радости, но и величайшей скорби, ведь именно в этот день особенно оживает воспоминания и кровоточит душа. Давайте преклоним перед ними колени, а в память о тех, кто не с нами, просто помолчим.

**Записали Евгения ФАХУРТДИНОВА
и Настя АХМИНЕЕВА**
Улан-Удэ

Справка Алеи Абдуловны о проживании в блокадном Ленинграде

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

ПЛАТЬЕ
ИЗ СОЛДАТСКИХ
ПОРТЯНОК

Зинаида Давыдовна Медынская родилась 2 января 1939 года в Грузии город Зестафони. Ребёнком была в оккупации в Одесской области.

Окончила Кизильский педагогический институт.

В 1963 году с мужем приехала в Бурятию. Работала учителем в Баргузинском, Курумканском районах. Преподавала русский язык, литературу и обслуживающий труд в СОШ № 32.

Член ветеранского клуба «Надежда» школы № 32.

Зинаида Давыдовна Медынская рассказывает о военных годах своей жизни:

«Когда началась война, мне было всего 2 года, и жили мы в Одесской области, в оккупации. Вы представляете, что такое бомбежки? Отец на фронте, два старших брата на фронте, а нас было трое детей: мне 2 годика, брату 10 лет и сестре 13 лет. Конечно же, есть было нечего — я до сих пор не знаю, как мы выжили. Ели все что угодно: гнилую картошку, морковку — посадить ничего было нельзя, все уничтожали немцы... а ведь воспоминания детства — они на всю жизнь.

Помню, как мама хватала нас во время начала очередной бомбежки и бежала прятаться в подвал, где колхоз оставил на зиму своих пчел, и сидели мы иногда там целыми ночами. Старшим детям мама могла объяснить, почему нет еды, а я была маленькой и ничего не понимала, постоянно хотела есть. И до сих пор я иногда просыпаюсь ночью оттого, что хочу есть. И до сих пор для меня нет слаще еды, чем просто кусочек хлеба. И до того сильны эти воспоминания, что я всегда покупаю хлеб впрок, хотя продается он во всех магазинах.

А однажды у нас останавливались немцы. И один из них привязывал конфету и заставлял меня прыгать за ней. Конечно, я не могла ее достать и плакала, а он, поиздевавшись, съел ее на моих глазах. Наверное, поэтому я сейчас так не люблю конфеты. — с грустной улыбкой вспоминает Зинаида Давыдовна. — А потом я пошла в школу и закончила 10 классов. Был тяжелый послевоенный 46-ой год, и я всегда хотела есть. Немцы же все вывезли — ковры, дорожки, которые мама сама ткала когда-то, и даже все детское белье, которое они отправляли своим деткам в Германию.

Когда нашу деревню освобождали, мне было 6 лет, и я сидела на печке, завернутая в тряпье. Тогда солдаты дали маме пару портянок, из которых она прямо тут же сшила мне платье. И я до сих пор помню свою учительницу, Любовь Александровну. Она была добрейшей женщиной; она нас всех любила — грязных, голодных, вшивых... было и такое в послевоенные годы. А она нас настолько любила, что я тоже навсегда для себя решила стать учительницей.

А теперь я не могу смотреть военные передачи. Я очень рада, что такое время миновало, но даже во время грозы мне становится очень страшно, и мне хочется бежать и прятаться — вот такие сильные воспоминания. А все добро, которое во мне сохранилось с тех пор — это любовь моей учительницы».

Записала Е.И. КОЛМАКОВА

КРАСНЫЕ КРЫНОЧКИ
МЯСОКОМБИНАТА

Весть о начале Великой Отечественной войны отозвалась в сердцах труженников Улан-Удэнского мясоконсервного комбината горькой болью. 3 июля 1941 года состоялся митинг рабочих, служащих и инженерно-технических работников мясокомбината. Выступающие на митинге заявили о своей непоколебимой решимости бить фашистских захватчиков, работать во имя ПОБЕДЫ, не жалея сил, сделать всё для бесперебойного

снабжения Красной Армии необходимыми продуктами питания. Директор комбината Калачёв И.М., ветврач Быков, рабочий Стремухин и другие заявили о своей готовности по первому зову партии и правительства выступить на защиту Родины. Только в первые месяцы войны на фронт с комбината ушло более ста мужчин. В числе первых ушли на фронт рабочие: Сафронов, Царьков, Соболев, Пелюх, Шунков, Абидуев, Шуров, Калашников, Гусев. На фронт ушли: начальник мясо-жирового корпуса Литвин, начальник цеха технических фабрик Кисляков, директор школы ФЗУ Ярыгин. На их рабочие места встали: матери, жёны, сёстры. Вчерашние учёники, счетоводы, уборщицы и домохозяйки становились к лебёдке убойного цеха, к станкам консервного производства, за пульты управления водокачек и насосных станций. Нехватка квалифицированных рабочих на всех участках производства ощущалась в течении всей войны.

С 1942 по 1943 годы на фронт ушло 33% работников комбината. В условиях жестокой войны поступали просьбы о введении на производствах сверхнормативной продолжительности рабочего дня. Сами рабочие отказывались от выходных дней. Большинство рабочих мясокомбината в годы войны это были женщины. Многие из них днём трудились на своих рабочих местах в цехах, а ночью шли грузить вагоны готовой продукцией. «Не кладая рук» с таким девизом трудилась Наталья Ивановна Седых рабочая колбасного завода и её примеру последовали многие.

На 238% выполняла норму закатчица консервного завода Антонова, на 152% жиловщица мяса Хороших. Закатчица консервного завода Тихонова выполнила норму на 200% заработала 850 рублей и перечислила их в фонд обороны. На комбинате создавались фронтные бригады, которые работали под девизом «Всё для фронта! Всё для защиты Родины!». Это были бригады бойцов скота: Шадринной, Педди, Падеринной, Кирилловой, Крутиковой, Макаровой. Бригады кишечного цеха: Бухольцевой и Башкатовой. Бригады колбасного цеха: Плисовской, Брянской. Бригады жестянобаночного цеха: Глазовой и Живогорницкой. Благодаря их самоотверженному труду никогда не померкнет трудовой подвиг коллектива Улан-Удэнского мясокомбината в годы Великой Отечественной войны. Работники мясокомбината приняли обязательство выполнять норму по выпуску продукции не менее чем на 150-155%.

С начала 1942 года на комбинате развернулись работы, связанные с монтажом нового цеха — мыловарения, цеха пищевых концентратов. Началась организация цеха спецфабрикатов: создан цех обработки шубной одежды, освоили выпуск олова из отходов жесты. Уже в первом полугодии 1942 года комбинат выработал 10 миллионов штук пуговиц, 155 тысяч штук гребней и расчёсок, 1000 пар валенок, 2 тысячи комплектов шлей и уздечек, 20 тысяч тонн приводного шнура, 350 тонн хозяйственного мыла, 50 тонн столярного клея, 50 тонн колесной мази, 10 тонн рядовой муки и многих других продуктов ширпотреба. В последующие годы выпуск продукции только наращивался. В годы войны комбинат поставлял на фронт полушубки, шапки, меховые рукавицы, валенки.

Работники мясокомбината, а это большей частью в годы войны, молодые девчонки и мальчишки шефствовали над ранеными, находившимися в эвакуационных госпиталях, оказывали помощь семьям фронтовиков. Им было выделено 30750 рублей, 1561 метр мануфактуры, 1217 пар разной обуви, 384 пальто и шуб, 739 пар чулок, 108 штук рукавиц, отправлялись и на лесозаготовки и на погрузку разгрузку вагонов, на сплав леса на дрова. Так при погрузке леса в 1945 году для отапливания домов посёлка погибло 9 ребят мясокомбината, они были захоронены в братской могиле на кладбище п. мелькомбинат. Сегодня работниками мясокомбината установлен новый памятник на этой могиле.

Трудовой подвиг работников мясокомбината золотыми буквами навечно вписан в историю мясокомбината. Коллектив комбината 4 раза удостоивался Переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Обороны, и в 1946 году Знамя ГКО было передано на вечное хранение комбинату, много было учреждено и вручено коллективу Знамен ВЦСПС, Наркомата обороны, Наркомата мясной и молочной промышленности. Многие передовики (352 стахановца и ударника) были награждены орденами и медалями, директор завода И.М. Калачёв был награжден орденом Ленина. А в 1966 году наш мясоконсервный комбинат был награжден орденом Ленина. Коллектив и впредь

сохранит славные трудовые традиции участников трудового фронта в годы войны. Нынешнее руководство поддерживает ветеранов, ежегодно проводятся праздники Победы на высоком уровне.

Г.М. МЯСНИКОВА
Совет ветеранов ООО «Бурятмяспром»

Я ВИДЕЛА ПЛЕННЫХ

Я, Крищенко Евдокия Тимофеевна в девичестве Глушкова. Родилась 14 февраля 1931 года в селе Белый Урюм Читинской области Чернышевского района. В 1935 г. мои родители переехали в пос. Кокуй Средненского района той же области. До 1938 г. у нас в семье было ещё кроме меня двое детей. В январе 1938 г. папа, простой рабочий, плотник был репрессирован как «враг народа». Мои сестрёнки умерли, остались мы вдвоем с мамой. Папу в городе Чите в марте 1938 г. расстреляли. В 1959 г. за недоказанность улик он реабилитирован. Так что я считаю пострадавшей от политических репрессий, получаю льготы. Мама работала с 1936 г. на судостроительном заводе до ухода на пенсию. Прожила она до 1981 г. Рабочие с завода не выходили сутками, ели и спали на заводе. Работа шла в 3 смены. В декабре 1941 г. в наш посёлок, что стоит на берегу полноводной реки Шилки, стали прибывать эшелоны с ранеными бойцами. Куда размещать, чем лечить? Нашу среднюю школу превратили в госпиталь, а мы учились в бараках. Всё больше у станков работало женщин, их мужья уходили на фронт. В течение этих трудных для страны лет мы, школьницы, не отставали от взрослых, где можно было заменять взрослых, туда отправляли нас, школьников. Никто не роптал: помочь колхозу, что был от нас в 7 км., собрать урожай — мы там, кто постарше, особенно мальчики возили из леса дрова, пилили, кололи для тех семей, где отцы ушли на фронт или уже не вернулись. С июня по сентябрь в меру своих сил мы помогали в поле, огородах, а в зимние месяцы, когда учились, помогали ухаживать за ранеными, писали письма их родным, читали книги, показывали концерты, гладили бинты, которых требовалось очень много.

У меня на память о том времени всегда при мне воспоминание: средний и безымянный пальцы правой руки повреждены. Осенью 1944 года в колхозе сеяли пшеницу, я оступилась с ящика, на котором стояла и мои пальцы попали в шестерёнки. Покалечился особенно средний пальчик.

В мае 1945 года война на западе была закончена разгромом фашистов, а на востоке подняли голову японцы. Вот теперь действительно эта великая война была закончена. По этому поводу хочу сказать: увидели мы в своём посёлке пленных. Это были японцы такие жалкие, согнутые, в глаза наши они не смотрели. Кое-как они у нас пережили зиму 1945-го года. Много, очень много их осталось лежать в нашей земле. Не лезьте, куда вас не зовут!

Евдокия Тимофеевна КРИЩЕНКО
Ветеран труда, ветеран тыла,
учитель начальных классов,
член ветеранского клуба «Надежда»
школы № 32
Улан-Удэ

Маленькая Дуся с мамой.
Читинская область. 1940 г.

КОЛОСКИ

Великая Отечественная война продолжалась. С фронта всё чаще приходили похорошки. Так проходя по деревне, мы слышали плач и причитания, всё это было больно и жутко...

Минула ещё одна лютая зима. Снега были большие, и морозы стояли крепкие. Деревня просыпалась от оцепенения. По-прежнему шли занятия в школе. С нами занималась наша учительница, Надежда Владимировна Солдаткина. Она с двумя детьми была эвакуирована в Сибирь из Владимирской области и проживала при школе. Школа располагалась в лесочке на краю деревни. Нина (младшая дочь Надежды Владимировны) училась вместе с моей сестрой. Они подружились, и Нина приходила к нам часто и приносила с собой книги. Долгими зимними вечерами мы читали вслух книги, расположившись вокруг «буржуйки». Так мы прочитали все сказки А.С. Пушкина, произведения Лермонтова, Гоголя и даже Зоценко. Это было замечательное время.

Надежда Владимировна привезла в Сибирь книги писателей школьной программы, она хорошо понимала, что в сибирской глубинке нет библиотек. И такое богатство для нас оказалось доступным. После прочтения в классе книги А. Гайдара «Тимур и его команда» Надежда Владимировна организовала тимуровские отряды. Мальчишки пилили дрова, носили воду в семьях, в которых погибли на фронте мужья, сыновья, а девочки мыли полы, помогали по дому. Мы писали письма на фронт, собирали вещи среди селян и отсылали на фронт посылки.

Вера Михайловна с супругом
Борисом Алексеевичем Далматовым

Все мы, школьники, понимали, что нужно помогать взрослым не только дома, но и на ферме. Поэтому Надежда Владимировна распределила нас на группы, и мы ходили на ферму, ухаживать за телятами. Мальчишки привозили на санках солому, воду, а мы девочки помогали телятницам кормить новорождённых телят.

Пришла долгожданная весна! Днём ярко светило солнце, таял снег, журчали ручьи. И однажды мы решили сходить в поле за колосками. Мама уехала в районный центр, потому что дома не было ни муки, ни зерна. (Мама работала в колхозе, но не была его членом. Председатель колхоза заставлял маму сдать паспорт и вступить в колхоз. Поэтому в эту зиму маме отказали выдать паёк (муку, зерно), который получала наша семья в райфинотделе в районном центре. А также запрещалось косить сено для коровы. Маму и нас, троих детей, лишили средств к существованию.) Так вот, встав пораньше, мы пошли в поле, которое находилось за деревней. Падь за деревней была покрыта льдом. Мы поднялись на поле. Там было уже много проталин, и колоски были хорошо видны. Увлёкшись сбором, мы не заметили, как стал таять снег. Набрали колосков, спустились с горы и видим, а лёд-то растаял. Постояли, подумали, разулись и побрели вброд по воде. Перешли падь, а ноги стали красными, как у гусей лапки. Потёрли пальцы, обулись и побрели лесной дорогой домой. Пришли, сестра натёрла нам ноги мазью, которую мама всегда хранила на случай от простуды, это была скипидарная мазь на свином сале. И она спасла нас и на этот раз. Мы не заболели.

Несколько слов о муже. Борис Алексеевич Далматов родом из Пензенской области. В годы войны он и его одноклассники работали, выпускали ящики мин. С четырнадцати лет уже стояли у мареновых печей: отливали мины.

В.М. ДАЛМАТОВА
Улан-Удэ

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

О ЧЁМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

ВОЗЗВАНИЕ

Нынешнее поколение ветеранов войны хорошо знает, что такое война. Все они шли по ее трудным дорогам, близко видели смерть, ад фашистских лагерей. Огонь войны унес более 50 млн. человек, огромные материальные ценности, навсегда уничтожил многие памятники мировой культуры. До сих пор не утихает скорбь в сердцах людей, потерявших родных и близких.

В середине XX века, 70 лет тому назад, Европа и весь мир боролись и победили смертельно опасную социальную раковую опухоль – нацизм и фашизм. Велики были жертвы, нелегка победа.

Прошли десятилетия. Человечество, заглянув в собственную бездну, стало мудрее и печальнее. Выросло третье послевоенное поколение, угроза возрождения фашизма и нацизма должна перейти в разряд теоретических, в нравоучительную часть мировой истории.

Но что мы видим в действительности? Стремление к расовому, национальному, религиозному и всякому иному социальному превосходству живёт и действует.

участников Международной встречи руководителей ветеранских организаций государств антигитлеровской коалиции, посвященной 70-летию Великой Победы над фашизмом в 1941-1945 годах

По всему миру появляются движения и даже политические партии, которые не только оправдывают, но и прославляют преступления нацистов и фашистов. Старая Европа, пройдя путь через марши под знаменами «СС», пришла к формированию и прямому политическому влиянию неонацистских вооруженных формирований на земле Украины. Здесь выпестованы вооруженные группировки неонацистского толка, уже диктующие волю собственному народу, обращаясь с ним как с поработанным.

Мы, ветераны антифашистских ветеранских организаций:

выражаем надежду, что мир, Европа готовы мужественно взглянуть сами на себя, не отводя глаз от собственного отражения, в котором явно проступила свастика;

призываем видеть и распознавать возрождение и метаморфозы неонацизма. Современный неонацизм и неонацизм принимают новые формы, но суть их остается неизменной: превосходство одних над другими. Неонацизм сегодня это не только последователи нацистов, не только религиозные радикалы, но и практика односторон-

него вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств, это либеральный террор под маской «прав человека», это разрушение традиционных ценностей, морали, семьи;

выражаем озабоченность милитаристскими тенденциями в мировой политике. Силы, стремящиеся к войне, есть и сегодня. Им снова нужна война, ими снова выкормлены и одурманены вооруженные отряды неонацистов, готовых и стремившихся к убийствам, насилию, грабёжам, к запуску Третьей мировой войны;

призываем всех людей доброй воли, которым дороги идеалы мира и дружбы между народами, смело и настойчиво, под знаком самого широкого единства, бороться за достижение великой цели – не допустить возрождения неонацизма и неонацизма;

призываем всех ветеранов решительно выступить за объединение в единый «Антифашистский фронт» и против любых шагов, направленных на возрождение нацизма и фашизма. Мы убеждены в том, что миролюбивые силы ветеранов, объединенные на широкой антифашистской платформе, спо-

собны преодолеть препятствия, создаваемые противниками мира;

торжественно заявляем, что будем не жалея сил, добиваться недопущения возрождения нацизма и фашизма, что послужит лучшим памятником тем, кто погиб, отстаивая честь, свободу и независимость народов;

умножаем совместные действия, направленные на прекращение преступной агрессии против народа юго-восточной Украины на основе Минских договоренностей от 12 февраля 2015 года.

Обращаясь сегодня к политикам и правительству всех стран, мы заявляем:

все, кто поддерживает неонацистские, неонацистские, радикально-религиозные группировки, противопоставляет себя целям и чаяниям большинства людей во всем мире.

Мы должны внести свой вклад в эту Победу!

Дело мира победит!

27 марта 2015 года, г. Москва
soyuzveteranov.ru

В работе совещания принимали участие представители Общероссийской общественной организации «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концентрационных лагерей»

ВСПОМНЮ ДЕДА СВОЕГО...

Из памяти не сотрется никогда – Великая Отечественная война. И все-таки начну свои воспоминания не о войне, а вспомню деда своего – Павла Александровича Кошеурова. Дед мой был красивый, высокий, стройный. Служил он в царском флоте моряком, воевал в Порт – Артуре. Много он рассказывал о боях, в которых он участвовал в годы гражданской войны. У него были награды, которыми он гордился и всегда носил их на груди. Он был очень трудолюбивым, построил большой деревянный дом, участок засадил фруктовыми деревьями, цветами, овощами. Мама, Раиса Павловна Машарова, работала бухгалтером на городской электростанции. А жили мы в городе Калинин (ныне Тверь).

В день начала войны я была в пионерском лагере. На другой день нас отправили домой. Через город стали отступать наши войска. Через Волгу был огромный мост, по которому шли наши солдаты. Они были замученные, усталые от тяжелого оружия, которое несли на плечах. Мы, ребятишки, бегали за чистой водой и поили солдат. Они благодарили нас и продолжали свой нелегкий путь. А по радио без конца сообщали «воздушная тревога» и о том, что немец приближается к городу. Раздался гул самолетов и посыпались бомбы. Загорались дома один за другим. Через город проходила неисчислимая вереница людей, шедших лишь бы подальше от немцев. Слух об их невероятной жестокости дошел и до нас. Пришло время собираться и нам. Пошли куда глаза глядят, то есть прямо по большой дороге, на восток. Мы шли, а немецкие самолеты бомбили, стремясь попасть в скопления людей, в отчаянии убегающих в никуда. Они опускались так низко, что мы отчетливо видели фашистскую свастику на крыльях самолетов. Они открывали огонь, а мы разбегались врассыпную и прятались в кустах, уткнувшись в землю. Летчики смеялись, целились в нас.

На пути было много деревень, но трудно было найти пристанище. Нам вскоре повезло. Хозяйка небольшого дома с радостью приняла нас и поселила в маленькой комнатке. Наступила зима, а дома дров не было, собирали сучья. В середине дома стояла русская печь, в ней готовили пищу, а иногда мы в ней и мылись. Все было... Было нечего одеть, обуть, порой ложились спать голодными со слезами на глазах, приходилось ходить по деревням, просить у всех кусочек хлеба, а каждый, кто помогал, сам жил, перебиваясь кое-как...

Вскоре началось наступление Красной Армии под Москвой... Возвращаясь домой, мы увидели вместо нашего дома пожарище... Но у нас осталась баня, дед кое-что переделал и мы в ней поселились. Жили впро-

голодь хлеб выдавали по карточкам по 200 грамм. Я ходила к маме на работу, приносила деду немного бульона. Однажды пришла от мамы и застала деда замерзшим. Похоронили деда в братской могиле. В 1943 году заболела мама и вскоре умерла. Я в это время тоже болела. Соседка (спасибо ей), увидев меня в тяжелом состоянии забрала меня к себе, хотя у нее в семье было семь человек. Вылечила меня тетя Акулина (так звали соседку), оформила документы и меня увезли в детский дом. Сейчас почему-то с ужасом говорят о детских домах. Я не понимаю этого ужаса. Прожила в детдоме с октября 1943 года по август 1949 года. Сказать плохого не могу. Во-первых, нас учили жить и работать. Мы все делали сами. У нас был большой огород, две лошади, две коровы, свиньи.

Жили дружно. У нас была кастелянша, мы ее звали «наша мама», с ней вместе ремонтировали постельное белье, одежду, штаны, латали заплатками. Она много рассказывала, читала нам книги. Как сейчас помню, сидим вокруг, она посередине, мы за работой, и ее голос тихий, спокойный, она нам читает стихи Есенина, Пушкина, Лермонтова... Каждый день слушали сводки с фронта и освобождение каждого города встречали криками ура! И вот наступил тот день, когда ночью нас поднял директор Антон Николаевич и сказал, что кончилась война. Мы повскакивали с постелей и руинулись в зал. С замиранием сердца в необыкновенной тишине слушали голос Левитана. Что потом творилось! Нашего ликования не описать.

В конце августа меня отправили учиться в ремесленное училище г. Кирмы, закончила РУ, получила среднее образование и специальность токаря. В 1951 году нас, 30 девушек - токарей и 30 юношей - слесарей посадили на поезд и привезли в Улан-Удэ, теперь уже ставший родным для нас городом, 40 лет проработала в цехе № 2 и ушла на заслуженный отдых.

В жизни все было – детство, война, детдом, РУ, завод. Без отрыва от производства училась в вечернем техникуме, получила диплом технолога – нормировщика. Вышла замуж, родила детей, у меня два сына, у них свои семьи, воспитывают сыновей – моих внуков.

Тамара Сергеевна НАЗАРОВА
1932 г.р.
Улан-Удэнский авиазавод

В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Жили мы на Смольном проспекте. Семья состояла из четырех человек: мама, папа, сестра, которая была старше меня на пять лет, и я. Отец мой 1897 года рождения, работал заведующим почтовым отделением. Мама

водила трамвая, раньше такая профессия называлась «вагоновожатый». Когда началась война, мама срочно вывезла сестру из лагеря. 8 сентября 1941 года город взяли в кольцо, началась блокада. До сих пор помню вой сирен и голос: «Граждане! Воздушная тревога!» И все бежали в бомбоубежище. Однажды, когда мы выходили из бомбоубежища после воздушной тревоги, мы увидели, как у нашего дома был снесен угол. Помню, как над городом висели азэростаты, которые прикрывали подступы к городу с воздуха. Хорошо помню, как в декабре 1941 года пришел с работы папа, лег на диван и больше уже не встал. Умер от голода. Потом мама заболела водяной, слегла. Жили мы в коммунальной квартире, и позднее соседи по квартире рассказывали мне такой случай. Сестра моя пошла в магазин отоварить талоны, в то время продукты и хлеб брали по талонам. Сестра стояла в очереди в магазине, когда к ней подошла «добрая» тетя и сказала: «Давай талоны, я тебе их отоварю», та доверилась. И что? Ни продуктов, ни талонов. А талонов у сестры было, наверное, на целый месяц. Больше эту тетю никто не видел. Так и обрекла она нас на голодную смерть. После этого хлеб нам приносили и давали соседи, а как делились - не помню. Комнаты в коммунальной квартире не закрывались. И вот однажды соседка будит меня (я с сестрой спала на оттоманке): «Вставай, Люба умерла». Помню, сестру завернули в белый материал и положили в коридоре. Было это, по данным из личного дела, 20 апреля 1942 года. После этого меня положили рядом с мамой, чтобы было теплее. Помню, рядом с кроватью на табуретке в сковороде была каша – овсяные разбухшие зерна, хлеб, кажется, из лебеды. Был еще такой хлеб, его называли «дуранда» - жмых от семян подсолнечника, слипшийся черный комочек. Помню, как соседка поднимала и одевала меня. 22 апреля умерла мама. «Ниночка, вставай, мама умерла», - снова подняла меня соседка. Маму тоже завернули в белый материал и оставили лежать вместе с сестрой в коридоре. Время от времени ходили люди и забирали трупы из квартир, и маму с сестрой тоже потом унесли.

Почему-то хорошо помню, как я сидела одна на кухне за столом и ела кусок хлеба. Теперь понимаю, что ела я в семье, видимо, одна. Мои родные, наверное, оставили мне свою норму. Поэтому я и выжила.

Потом соседка отвела меня в детский приемник. Сколько мы там находились, я не помню. Но 2-3 мая 1942 года нас отправили по Ладоге в эвакуацию, в тыл. Помню, как мы поднимались по трапу на судно, нам помогали подняться люди, они вели нас за руки. Смутно помню дорогу, но хорошо помню бомбёжку, и паром, идущий впереди нас, который ушел под воду. И так по «Дороге Жизни» я была вывезена в детдом в деревню Пакали Горьковской области, где я провела около года. Запомнилось, как нас учили плавать, сбрасывая с моста в реку. Запомнилась девочка Наэма Гутуева, за которой приехал очень красивый отец в форме офицера

флота. Помню, как приезжали удочерять и меня, и не один раз. А я так горько плакала, так не хотела, чтоб меня кто-то удочерил! Воспитатели уступали моим капризам, и я оставалась в детдоме.

А в 1943 году нас перевезли в деревню Попово Горьковской области в Поповский детский дом. Там были очень красивые для сельской местности здания. Там, как и везде в военное время, тоже было голодно. В столовой не было света, было холодно. У нас стояли печи буржуйки. И мы ходили на помойки, собирали очистки от картофеля, прикладывали их к буржуйке, тем самым готовили их, чтоб поесть. Вы таких вкусных картофельных очисток не ели! Есть мы всегда торопились, так как мальчишки постарше всегда старались отобрать недоеденное. Они встречали нас на лестнице и отбирали, есть ведь всем хотелось. А поесть-то что было? Картофельное пюре, может, ложка да хлеб кусочком в десять сантиметров.

Примерно после 1943 года жить стало легче, в детдоме стали обрабатывать свое поле с рожью и пшеницей, стали выращивать овощи. По-пластунски мы пробрались на колхозное поле за морковью. Ох и попадало нам! Меня за мой неуемный характер прозвали атаманом. Все деревья в округе были мои. Часто рвала на себе одежду. Жизнь в детдоме потихоньку налаживалась. Мы стали хорошо одеваться, кушать. Все воспитатели к нам хорошо относились, по матерински. А воспитательница Евгения Павловна Моисеева даже хотела меня удочерить, но я не согласилась.

Недалеко от детдома была деревня Филипповка, где располагался госпиталь для раненых, мы, дети, бегали выступать перед бойцами.

Хорошо помню, как однажды весной в девять часов утра к нам в спальню зашел наш любимый воспитатель Алексей Николаевич Кузнецов: «Девочки! Война закончилась». И мы повисли все на нем, как гроздь винограда, все облепили его, целуем, обнимаем, радуемся. Именно Алексей Николаевич помогал всем нашим воспитанникам найти родственников, знакомых после войны, всем писал письма. Он разыскал мою тетю в Ленинграде. Алексей Николаевич нам был и мамой и папой.

Моя семья – это мои воспитатели из Поповского детского дома и все дети, вместе с которыми я жила в детдоме. Никогда не скажу, что у меня было плохое детство. Хорошо и весело было нам вместе.

В 1959 году я окончила Горьковский институт иностранных языков и приехала по распределению в Бурятию, где проработала в школе до ухода на пенсию и где живу до сих пор.

Рассказ Нины Ивановны ИВАНОВОЙ,
1936 г.р.
записала Аня КРАСИКОВА,
ученица 7 «б» класса
с. Новый Заган
Мухоршибирского района

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

ИМЯ ТВОЁ – УЧИТЕЛЬ...

Родилась я в 1933 году, в сентябре в г. Сталинграде, ныне Волгоград. Что больше всего запомнилось из моей жизни?

В 1938 году от большого голода в Поволжье вместе с родителями я выехала в Казахстан, в Алма-Ату. Никто нас там не ждал. Правительством никакой помощи голодающим не оказывало. Поэтому многие переселенцы выкапывали в холме большие норы, накрывали крышей, ставили двери. Это поселение стали называть Муравьёвка, потому что гора эта походила на муравейник. Затем получила мама от работы комнату в коммуналке. Так в Алма-Ате я прожила до 1952 г.

Хорошо помню, как началась война, как с плачем и причитанием провожали на фронт своего отца. Война закончилась, но годы были ещё трудные, поэтому я не могла пойти учиться в институт: нужно было побыстрее работать. Учителей после войны не хватало, поэтому открылся в нашем городе 11-ый педагогический класс. Через год я уже работала учителем русского языка и литературы на станции Тюлькубас. Поступила на заочное отделение в Алма-Атинский пединститут. После замужества переехала с мужем и сыном в Бурятия. И с 1955 года Бурятия стала моей родиной. Сначала работала в Колесовской школе, а затем с 1960 года в школах Улан-Удэ.

Что больше всего оставалось в душе моей от работы с детьми? Что для учителя является самой высокой наградой? Это то, что частичка моего сердца осталась в моих учениках.

Однажды я летела самолётом к дочери в Целиноград. После того, как все удобно уселись, прозвучало объявление стюардессы о полёте, об экипаже, о командире экипажа. Когда я услышала фамилию командира Чашин Олег Николаевич, я ахнула громко: «Олег, Олежка, мой ученик Олежка?» Он закончил школу в 1967 г. При посадке Олежка вышел из кабины и прямо направился ко мне. Мы крепко обнялись. Пассажиры удивлённо смотрели, а я с гордостью сообщила, что это мой бывший ученик.

А когда я пришла в стоматологию, а там мой бывший ученик Витя Тимофеев. Он сказал, что передо мной в вечном долгу.

Однажды прямо с самолёта в школу прибежал ко мне Боря Степной. Раньше, чем к родителям! Он стал лётчиком и погиб в Монголии.

Разве не счастье, когда в программке Молодёжного театра я нахожу фамилию своих учеников Вити Шамонова (он в 1965 г. окончил школу) и Жени Мордвина. В одной из местных передач по радио я услышала о встрече с поэтессой Татьяной Фёдоровной Григорьевой. Боже мой! Ведь это моя Танечка Григорьевая, которая закончила школу в 1977г. Какие сочинения она писала! Как читала стихи! А теперь известная поэтесса и прозаик.

Включаю программу БГТРК по телевизору, а там с новостями нашей республики знакомит нас Вадим Соседенко, а в программе «Аригус» Андриша Левантуев. Это тоже мои ученики. А какую радость испытала я, когда узнала, что Андриша Левантуев удостоен как журналист премии Ярослава Гашека.

А когда мои ученики идут по моим стопам в пединститут на литфак – это ли не счастье для учителя! Кто-то из великих сказал: «Копите в молодости хорошие воспоминания – старость этими воспоминаниями живёт». И я счастлива, что 52 года работы накопила море воспоминаний о моих ребятах. Это даёт мне силы жить. И я благодарна, что дети меня не забывают, звонят, пишут, приходят. В них, в

их памяти продолжение моей жизни. И ещё большое счастье в моей жизни, что есть у нас клуб «Надежда». При встречах в этом клубе мы чувствуем себя счастливыми, помолодевшими, здоровыми. Поистине – на-деж-да.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО...

В 1941 году Валя пошла в первый класс. Тогда учились с 8 лет и дети не могли осознать, что значит война. Тем более жила она тогда далеко от военных действий, в Алма-Ате.

Но обстановка на фронтах была настолько тяжёлая, что и в далеком тылу строили бомбоубежища, вдоль шоссе копали траншеи. Дети бегали по этим траншеям, толком не понимая, для чего они.

Очень запомнился Вале день, когда отца провожали на фронт. Играла пластинка... «Выйди, милая моя, мы простимся с тобой у порога, и быть может навсегда...»

В объятьях застыли родители, как изваяние. Только повзрослев, Валя поняла, что они прощались. И - навсегда. «Все для фронта, все для победы», – такой был лозунг в стране.

Дети помогали, как могли. Собирали теплые вещи и отсылали их на фронт. Шили кисеты для солдат, украшали их вышивкой. Старшие девочки вкладывали в кисеты письма. О кисетах была сложена песня:

*Шила мама, вышивала
Шёлковый кисет.
На границу отсылала
Девичий привет.
Отсылала да скрывала
Грусть свою тоску,
На конверте написала:
«Лучшему стрелку».
Эх, кисет с махорочкой,
Шёлковый кисет
С голубой оборочкой,
Краше тебя нет.*

После уроков возили учащихся на швейную фабрику. Там мы пришивали пуговицы к солдатскому обмундированию.

На летние каникулы под руководством специалиста собирали целебные травы для раненых, которые находились в городе на лечении. Большинство школ было отведено под госпитали.

Осенью, как дети всей страны, ездили в колхозы помогать в уборке урожая. А весной в школе для колхозов собирали кукурузу, кто сколько может зерен принести. К весне в семьях никаких запасов не оставалось, поэтому приносили кто 40, кто 50 зерен. А Валя принесла 1000 штук зерен, и за это ее в стенной газете похвалили.

В годы войны, начиная с 1941 г., заводы из Европейской части СССР переводились вглубь страны. Заводы, раньше выпускавшие потребительские товары, начинали выпускать снаряды, патроны, пушки и т.д. Про Тульский завод, который раньше выпускал самовары, известные всему миру, сложили песню, после того, как он стал выпускать пушки и снаряды.

*Нынче чай совсем не сладкий,
Для непрошенных гостей
Самовары тульской марки
Пробирают до костей.
Подаётся чай с припаркой
И горячим леденцом,
Самовары тульской марки
Пышут жаром и свинцом.
Эх! Горяч кипи-кипяточек,
Самовар-самовар дружок,
Пышут жаром небывалом.
Вот так самовары.*

Время было суровое, но жизнь есть жизнь. Всем, как хлеб, необходима была какая-то разрядка. И создавались шуточные песни. О партизанах была сложена шуточная песня о бороде. Ведь не было времени у партизан часто бриться.

*Борода, моя борода,
До чего ж ты отрасли.
Говорили раньше «щётка»,
Говорят теперь «метла».
Парень я молодой,
А хожу с бородой.
Я не беспокоюсь,
Пусть растёт до пояса.
Вот когда прогоним фрица,
Будет время, будем бриться,
Стричься, бриться, наряжаться,
С милкой целоваться.*

Общую картину трудного военного детства отразила в стихотворении Афанасьева Надежда Ивановна, ветеран педагогического труда школы № 20. Она тоже перенесла в детстве все тяготы военного времени.

*Мы родом не из детства, нет!
Его война у нас украдала!
Как будто разом отключили свет,
И тьма жестокая настала.
И в горле задержался смех,
Рыданьем вырвавшись наружу.
И слёзы на глазах у тех,
Кто провожал отца или мужа.
Мы куклы побросали, взяв лопаты,
И шили не наряды, а кисеты.
Надолго позабыв кинотеатры,
В госпиталях давали мы концерты.
Учебный год был слишком уж коротким,
За парты мы садились лишь зимою,
В газетах, книгах старых между строчек
Писали не чернилами, а сажаю с водою.
А лето проводили на фабриках, в полях,
На фронте трудовом сражались.
Чтобы солдаты в боевых краях
Без хлеба и патронов не остались.
Мы ждали почтальона и боялись!
Пусть лучше мимо он пройдёт,
А вдруг он не письмо желанное доставит,
А похоронку принесёт.
Так день за днём четыре долгих года,
За осенью зима, а там весна и лето.
И вот великим единением народа
Добьёта долгожданная победа.
Не описать, не рассказать словами,
Какие чувства охватили всех,
Смешались боль утраты, ликованием,
Здесь слышен плач, а там –
счастливым смех
Летели вверх пилотки, шапки, кепки.
Гремело многократное ура!
Всё это в памяти так сохранилось крепко,
Как будто было это лишь вчера.
Стал праздником тот день,
святым и светлым,
Одним из главных на Руси!
Но, Боже справедливый, чашу эту
Ты мимо сыновей и внуков пронеси.*

На всю жизнь Валентине Михайловне запомнился нравственный урок, преподнесенный ее бабушкой. Сколько людей погибло в Сталинграде, сколько ненависти к немцам! А бабушка Валя, когда они шли на огород через железнодорожные пути, увидела, что пленные немцы не могли сдвинуть вагон, подбежала и стала помогать толкать вагон со словами: «Ну, раз, два, взяли!» И вагон покотился, а немцы с восторгом и удивлением смотрели на бабушку.

А второй случай был такой. На вокзале был магазин, где продавали хлеб без карточек. Очередь, в основном женщины и дети стоят. Зашли два пленных немца, посмотрели, что очередь большая, и с грустным видом повернули назад. Вдруг одна женщина говорит: «Бабоньки, давайте солдатиков пропустим, а то их офицер ругать будет, что они надолго отлучились!» Никто из очереди не промолвил ни слова, не возмутился. И Валя поняла тогда, что нужно уметь прощать даже бывшего врага.

На Мамаев Курган постоянно приходят с цветами люди и кладут цветы на могилы погибшим героям. Их сон охраняет величественная скульптура Родины - Матери. Звучит тихая мелодия. Никто не забыт, ничто не забыто.

Воспоминания Валентины Михайловны ДРАГОМИРОВОЙ

Записала Е.И. КОЛМАКОВА

Валя с братом. 1944 г.

ПРИМИРЕНИЕ

ПРИЕХАЛИ
ЗА ПРОЩЕНИЕМ

Дорогая газета «Судьба»! Поздравляю Вас и весь Ваш коллектив с Великим Праздником – ПАСХОЙ! ВОСКРЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ, желаю крепкого здоровья, счастья и радостей, семейного благополучия и успехов во всех Ваших делах.

Пусть Господь Бог Вас всех хранит, ибо без Вас угаснет память о жертвах нацизма. Пусть Господь Бог даёт Вам силы для жизни Вашего наследия – газеты «Судьба», которая является единственным лучом, освещающим дорогу для преодоления безразличия и невежества больших и малых чиновников в разных государствах распавшегося СССР, в каждом по-своему.

Обращение к немецкой и белорусской молодежи, опубликованное в «Судьбе», с некоторыми изменениями русского текста, я направил в немецкую газету Русская Германия. Главный редактор Борис Фельдман обещает опубликовать текст к 9 мая. Будем надеяться.

Всылаю в ваш адрес книгу: «Концентрационный лагерь Озаричи: живые свидетельства Беларуси». Жду сообщения о получении. 17 марта, накануне дня освобождения узников из концлагеря Озаричи (19 марта), прошла презентация упомянутой книги в городе Жлобине, откуда начинался концлагерь Озаричи в марте 1944 г. На презентацию книги и на встречу, посвященную 71-ой годовщине освобождения узников из концлагеря, приехали внук и правнук одного немецкого солдата, который в марте 1944 года принимал участие в организации концлагеря. Внук – Герд Питер ХЕРТЕР и его сын – Наташаил - из города Mossingen. Я передал Герду ХЕРТЕРУ на вечное хранение куски колючей проволоки, напоминающие о том, что она (немецкая проволока), надежно охраняла узников в марте 1944 года в концлагере Озаричи.

ХЕРТЕР был тепло встречен публикой, а присутствовало более 250 человек. Он выступил перед собравшейся интеллигенцией и узниками города Жлобина с речью. Тезисы его я пересылаю Вам.

«Мы рады присутствовать на этом мероприятии. Благодарим за приглашение.

Прошлое оказывает свое влияние на страны и людей, даже если мы этого и не осознаем. История преподаёт нам свои уроки, из которых нам всем надо делать выводы, чтобы не повторять старые ошибки.

Мой дед был немецким солдатом и принимал участие в организации концлагеря в Озаричах. В нашей семье об этом не говорили. Все было покрыто молчанием.

В 2012 году это стало известным. В 2013 году по собственной инициативе я приехал в Беларусь, для того чтобы встретиться со свидетелями тех событий. Встретился с господином Шкураном, побывал с ним и другими людьми на месте бывшего концлагеря Озаричи. Встречи с этими людьми стали для меня огромным событием. Я нашёл прощение и примирение.

Сейчас я приехал со своим сыном. Он представляет следующее поколение. Мы приехали для того, чтобы протянуть руку дружбы между нашими народами». Это уникальный случай, вероятно, впервые за послевоенных 70 лет, когда внук и правнук приехали в те места, где их предки совершили страшное злодеяние.

Уважаемый редактор газеты «Судьба», на всякий случай я пересылаю Вам обращение к руководителям государств Беларуси и России, в котором мы изложили свои мысли и ждем (конечно, равнодушия, на другое они не способны) надежды! от руководителей государств.

Самые наилучшие пожелания пересылают узники Беларуси устроителям «Судьбы» и её читателям!

Аркадий ШКУРАН
Малолетний узник гитлеровского
концлагеря «Озаричи»
Минск. Республика Беларусь

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

НЕ ПРИВЫКЛИ ГОВОРИТЬ «ПАПА»

Родилась я в 1934 году в селе Сахули Курумканского района. Нас в семье было пятеро детей, я – вторая. В июле 1941 года отец ушел на фронт, вернулся из армии в марте 1947 года, не привыкли говорить «папа», он умер в декабре этого же года.

Остался в памяти один случай тех военных лет. Брат Коля пас колхозных коз, я помогала ему собирать их в кучу и гнать в конюшню. Раз случилось так, что один козлик пошел в сторону, а я была бо- сиком, побежала его завернуть, земля ка- менистая. Это было под Шаманкой (де- ревянка так называется). Беги и вдруг стало страшно больно, я остановилась и увиде- ла змею. Она укусила меня в правую ногу, возле пятки. Нога стала быстро отекает. Я стала кричать, и Коля меня услышал, подъ- ехал на коне и привез домой. А мне тогда было 9 лет, а Коле 11, и мы уже были само- стоятельные.

Зажила моя нога, я пошла помогать маме на ферму, пасли телят по жнивью. Годы те были голодные, собирали на поле колоски, копали саранку, приносили домой и вари- ли. В первые послевоенные годы были за- сушливые, дождей было мало, и мы таска- ли воду в ведрах с реки Баргузин и поли- вали картошку. Был у нас на ферме бы- чок Яшка, доярки запрягали его в арбу, на которой была установлена бочка и по оче- реди возили воду. Была одна у нас и ко- рова – кормилица наша, собирали ветошь, камыш, сено вязанками. Мама накосит ве- чером, а мы всей семьей таскаем, чтобы в зиму накормить свою коровушку. Помню с благодарностью, что деревня у нас была дружная: одна беда, одна радость на всех. Старики, старушки берегли детей, учили уму – разуму, везде было ласковое слово.

**Валентина Федоровна
МОСКВИТИНА**

**ВАМ,
ДЕТЯМ ВОЙНЫ...**

А.В. ДМИТРИЕВА

1.

Дети войны, ах, дети войны...
Как же не вовремя вы рождены.
Неважно ведь, кто там опять народился –
Лишний едок на свет появился.

Нужда захлестнула, на нет всё свела,
К тому ж трудовая дисциплина строга,
И медперсонала тогда не бывало,
Что из того, что дитя захворало.

Мать, бросив его, на работу спешит,
А то в заключение могла угодить.
А если ребёнок совсем уже плох,
В безысходности шепчет:
«Прибери его Бог»

**Автор
Дмитриева А.В.**

**Подруга
Тоня**

От нехватки еды мы казались пухлее,
Да малокровием страдали сильнее,
Белка иль глюкозы в помине ведь нету,
Бледной рассадой тянулись мы к свету.

В годы войны мы в Тэгду прибыли,
У деда Намдыка всех нас поселили.
Теперь вот картошку могли посадить,
Доморощенный свой урожай получить.

Дождавшись весны, мы в лес убегали,
Хвою и багульник, как козы глотали,
Мангыр, сарану, да лук полевой,
Всё лопали мы той летней порой.

Хорошо, что мы детства другого
не знали,
Сравнить было не с чем, и нету печали,
Картошка в мундире, да хлеба кусок,
Хоть скуден обед, зато не в упрёк.

2.

Помню, событие было у нас,
Когда мы собрались пойти
в первый класс,
У Дуси – соседки детей было много,
Дочь Галя осталась совсем босоногой.

Долго обувку в старье мы искали,
Ботинки для школы кое-как подобрали,
По цвету, размеру разными были,
Но всё же, ножонки её мы обули.

С Победой мы все облегчения ждали,
Бабоньки наши всюю ликовали,
От тягот земных они ведь устали,
По ласке мужской давно тосковали.

Новые семьи теперь появлялись,
Дети свои у них нарождались,
А дети войны сразу взрослыми стали,
Ох, рано они путь в жизни искали.

Петька – сосед ещё малым юнцом,
Ночевал он частенько у нас
под крыльцом,
Месяцами в свой дом не входим он был,
Трудно представить, как же он жил?

Опорю верной пёс ему стал,
Запряжённый он в саночки Петьку катал,
А ночью холодной его согревал,
Лапой мальчонку обнимал да лизал.

Вот знать бы и нам, что пройдёт пара лет,
Придётся с сестрёнкой искать тот ночлег,
Послушны, скромны, безответны бывали,
Частенько скрывались
в чужом сеновале.

Положение своё от людей мы скрывали,
Стыдно нам было, что лишними стали,
Василисе спасибо и тётё Марии
К нам относились совсем как родные.

Вот женское сердце, попробуй, пойми –
Без лишних вопросов принимали они,
За общий свой стол, бывало, садили,
Постель и еду они с нами делили.

Другие девчонки не лучше бывали,
К рожденным малышам
их подвязали,
Ведь девять годков было Свете тогда -
Доброю нянечкой станет она.

Света

Дома хозяйство ты всё проверни,
Обед приготовь, да всем угоди,
Братишку меньшого не забывай,
Сама выживай, да им помогай.

3.

Борьба же за жизнь никак не кончалась,
Ещё много лет она продолжалась.
Счастливого детства мы не видали,
Беспечной той юности так не познали.

Но в школе и в вузе бесплатно учились,
Не глядя на бедность,
мы к знаниям стремились,
Тетрадочек нет, на газетах писали,
С тряпичною сумкой мы важно шагали.

И в школьной той жизни про всё забывали,
Счастливыми были, за детей нас считали,
Вон Люда на сцене красиво поёт,
А дома работа тяжёлая ждёт.

Полы все дресвою натереть да промыть,
Брёвна ворочать, чтоб дров напилить,
Коров напоить да стайки прибрать,
С дальней реки воды натаскать.

Схватив коромысло, разогнувшись едва,
Качаясь на ножках, подняла два ведра,
А лет-то ведь деточка восемь иль семь,
Смотри, надорвешься,
мала ведь совсем.

В каникулы летом работать ходили,
На нужные вещи деньгу мы копили,
Заботы те, вроде бы, не для детей,
Для нас они были в порядке вещей.
Телогрейка, да валенки,
платок шерстяной,
Ох, как же годятся холодной зимой,
На лыжник, штаны фланель покупали,
Спортивный костюм они заменяли.

Неприхотливы тогда мы бывали,
Порядочность, скромность нас украшали,
Зависть, жестокость молодежь ведь
не знала,
Взаимная выручка у нас процветала.

4.

Кончилось детство суровое наше,
Может быть, юность у нас будет краше,
Всё ж семилетку закончили мы,
Определиться теперь
мы сами должны.

Я долго ходила в раздумье одна,
Куда же теперь-то девать мне себя,
Уборщицей быть, сучкорубом ли стать,
Но не было сил топором мне махать.

Сестра Люда

От малокровия ленивой тогда я слыла,
Внаклонку работать совсем не могла,
А Люда моя посильнее была,
Частенько в работе подменяла меня.

С детства всё песни она напевала,
Душу тем самым у нас согревала,
К тому же те песни бодрили, ласкали
И в будущей жизни надежду давали.

«Свет над Байкалом»
прозвучала тогда,
В Республике первое место взяла,
На краевой Люда ехать должна...
Спонсора нет. Видать не судьба.

**Автор – Шура,
14 лет**

Баловства и разврата
терпеть мы не можем,
А в беде человеку бескорыстно поможем,
Всё можем стерпеть и собой пренебречь,
На всё мы готовы,
лишь бы семью сберечь.

Деток своих мы всех подрастили,
Маленьких их мы нежно любили,
Постоянно заботу о них проявляли,
Обижать, оскорблять,
никому не давали.

Теперь же подружек вспомнить пора:
Тоня всю жизнь медсестрою была,
Сучкорубом Валюша тогда начинала,
В сельхозинституте преподавала.

Валентина

Катя, что нянечкой доброй была,
Учиться, конечно, она не смогла.
В дачных делах она преуспела,
Агроном-самоучка,
сказать можно смело.

Галина

Галина, что обувь подбирали мы ей,
Инженером работала в сфере своей,
В солидном коттедже теперь поживает,
Хозяйством своим она управляет.

Катя

Другая Катюша, что сироткой была,
По жизни она достойно прошла,
В масштабе республики
бухгалтер хороший,
Мать и хозяйка отличная тоже.

А ребёнок, что мать умирать оставляла,
Так это ведь я, меня баба спасала,
Школу закончить всё ж удалось,
Очно учиться мне не пришлось.

Но всё же добились, правда чуть позже,
В институте училась заочно, я тоже
Историю в школе лет тридцать вела,
К тому же я завучем ладным была.

Мы, может, сердиты, печальны порою,
От этого трудно самим нам, не скрою.
Легкомысленны к жизни
не можем мы быть:
Детство совсем мы не можем забыть.

**Валентина Федоровна
МОСКВИТИНА**

**СЛУЧАЙ
В ПОЛИКЛИНИКЕ**

Пришли с внуком оформлять медкарту для детсада.

В числе прочих значится врач-психоневролог. Заходим в кабинет.

Здороваемся, отдаем доктору направление. Тот начинает задавать ребенку какие-то вопросы.

Резко, без стука открывается дверь. Заваливается уборщица (а-ля Баба-яга) с ведром и шваброй и заявляет доктору, типа, «шас я тут у вас уберу». Врач тихо возмущен, но вежливо говорит: «Нина Сергеевна, а почему сейчас, а не после работы? Тут же я сижу, и люди вот пришли». Та с ходу отвечает: «А мне сегодня надо раньше уйти!» и начинает елозить шваброй по полу.

У доктора выражение лица, конечно, недовольно - возмущенное, но – интеллигент, к тому же психоневролог, сдерживается.

Работница швабры и ведра резко оттесняет своим инструментом от стола и в секунды делает имитацию протирки чистого пола грязной тряпкой. Далее подъезжает шваброй к ногам внука, недовольно заявляет ребенку: «А ты, мальчик, чего тут стоишь, не видишь, подвинуться надо побыстрее, я ж сказала, что убираю тут!»

Внук поднимает на нее свои невинные детские глазки и, не задумываясь ни на секунду, громким, звонким голосом выдает: «Пошла в ж...!»

«Баба-Яга» замирает камнем от такого поворота дел. Резко краснеет, хватает свои инструменты и пулей покидает недоубранный кабинет.

Доктор, ни слова не говоря, берет направление и пишет: «Психически здоров». Я похвалил внука.

**Лев Николаевич ПЕТРОВ
Бывший несовершеннолетний
узник фашизма
Воронеж**

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

НА РАВНЫХ ПРАВАХ

Хотя отдельные факты, детали тускнеют, лица полузабыты, но много хранит память из событий тех суровых лет, к которым я был причастен. А говорить о них надо сейчас, пока есть еще избыток воспоминаний, много невысказанных слов. Всплывают у меня в памяти прежде всего сводки с фронта «От Советского Информбюро». Все их очень ждали с тревогой и надеждой.

С такими же чувствами ждали и почтальона. Радовались и боялись. И всегда знали, какие вести несет эта женщина: если с поднятой головой, с улыбкой – письмо хорошее. Но однажды мама, увидев её ещё на дороге, заголосила: голова почтальонши была низко опущена, шла она медленно и даже как-то боязливо. Сердце мамы не ошиблось: похоронка...

Война в разгаре. А у нас весна, начало марта. Дорога в школу уже без снега, но земля еще мерзлая. Навстречу бежит с тележкой мой одноклассник Даниил Сеянский. На тележке лежит что-то накрытое тряпьем.

– Ты куда, Данька?

– Сейчас схорону сестренку и приду.

Побежал дальше, громыхая железными колесами по мерзлой дороге. В классе учительница отмечает, кого нет. Даже сейчас ясно вижу её – в голубом заштопанном пальто с поднятым воротником: в классе мороз. Чернильницы – бутылочки у нас за пазухой, чтобы не замерзли чернила. «Сеянского нет» – говорит дежурный. Я пояснил, почему. Евдокия Ивановна очень тихо, глядя куда-то в сторону, говорит о том, что его мама дочурку схоронить не может: не поднимается, опухшая от голода. Никто из нас не плачет: в наших изможденных телах слез нет.

А как схоронил сестру Данька? Ведь могилы не было. Положил он в снег свою сестричку, которую сразу же растащили волки. Такие «похороны» были у нас обыденностью.

Несколько лет назад съездил я на станцию Бурла, где прошли эти годы военной поры. И встретил там Даньку! Обнялись. «А помнишь?» Я напомнил, как он хоронил сестричку. Оказывается, похоронил он тогда и вторую сестричку, и братишку, и матушку свою на той же тележке укатил на погост. И ко всему получил похоронку на своего бату. Один остался. Как перст.

Вспомнили мы и нашего одноклассника Васю Возного. Однажды вышел он на улицу – он был мой сосед – и говорит: «Павлик уже ничего не говорит, есть нечего». Я взял три отварных картошки и мы зашли к ним. Васин братишка, опухший, смотрел на картошку, видел её, понимал, но не мог положить в рот. Глаза его смотрели – смотрели и медленно закрылись. Навсегда... А на кровати под одеялом лежал ребенок рядом с умершей матерью и теребил её, пытаясь «разбудить». Женщина не была опухшей, а наоборот, страшно худая, лицо было черное. Кожа обтянула кости, особенно у рта кожа стала очень тонкой и не прикрывала зубов, которые торчали и придавали голове сходство с черепом с обнаженными смеющимися зубами. Страшно!..

Согнула нас военная гроза, но не сломила. Свято мы исполнили свой долг, не пили добра из чаши бытия, поэтому у нас глаза, что озера боли. Горестно, но с гордой головой вспоминаю я эти военные годочки. Не отболели они: это навечно. Вспомнишь – и к сердцу сразу прихлынет горечь.

*Время сжигало нас очень нещадно,
Мяло со взрослыми, как в жерновах,
Прополоскало всех вместе изрядно,
Все выжимая на равных правах.*

Владимир Васильевич ОСПИЩЕВ

БИОГРАФИЯ

Моя прабабушка Белоусова Валентина Ивановна родилась 20 августа 1926 года в городе Черемхово. Во время войны закончила 7 классов и поступила в техникум. После занятий в техникуме она трудилась на фабрике, шила для фронта. Имеет награды «Ветеран тыла», «Ветеран труда». В этом году ей исполнилось 88 лет.

Без подписи

Как рассказывают родные, письма домой приходили редко. Последнее было получено в 1944 году, в нём была фотография. На фото Радна с винтовкой в руках.

Эту фотографию его мать бережно хранила на видном месте рядом с божницей. После этого письма, весточек от Радны мать не получала. Похоронки не было. Она все ждала своего любимого сына, надеясь, что он жив и скоро вернется.

ФОТОГРАФИЯ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Хочу рассказать о моём родственнике Радне Будаевиче Аюшееве. Он родился в 1922 году в Бурятии в селе Инзагатуй Джидинского района. В семье крестьян Буды и Бадма-Дари было 11 детей, из них трое мальчишек. Младшим был Радна. Будучи хорошим охотником, отец к этому занятию приучил сыновей.

Застенчивый молодой человек до 18 лет не встретил свою любовь, не успел жениться. В 1940 году был призван на действительную службу на Дальний Восток. Когда началась Великая Отечественная война, его направили на Северный флот. Неудивительно, что бывший охотник стал снайпером. Я читала в одной книге, что снайперы морской пехоты люди особого склада. Они должны сочетать незаурядную меткость, безграничное терпение, железную выдержку. Они должны долгое время находиться без движения, в ожидании врага. Я думаю, что особенно трудно было днём на голых сопках, где отсутствовал даже намёк на укрытие. Наверное, летом их донимали гнус и комары, зимой пронизывали сумасшедшие ветра и сорокаградусный мороз, а враг должен их воспринимать как камень.

Однажды на скромного парня из далёкой Бурятии обратил внимание фотокорреспондент газеты «Краснофлотец», начальник фотобюро Политуправления Северного флота Роберт Диамант. Радна выделялся внешностью среди товарищей. У него было живое, энергичное лицо, высокий рост. Профессиональное чутьё не подвело репортёра. Боевые заслуги моего родственника подтвердились в октябрьских боях 1944 года в Петсамо - Киркенесской операции под Мурманском, где он уничтожил 25 гитлеровцев.

Как мне рассказала моя бабушка, в 1979 году по центральному телевидению показали многосерийный документальный фильм про Великую Отечественную войну. Каково же было изумление земляков и родственников, когда в двенадцатой серии «Война в Арктике» в одном из моряков они узнали Радну. Он был такой же, как на фотографии, только живой! А диктор за кадром сказал, что моряки Северного флота идут в поход за освобождение города Печенга под Мурманском. Он буквально мелькнул на пару секунд, но родные и земляки узнали его. Родственники успели разглядеть номер катера – 219 и запомнили дату – 19 октября 1944 года. Послали запрос в военкомат, однако ответа не получили. На этом поиски остановились. А может быть в этом походе он и погиб?

Несколько лет спустя Радна Аюшеев вновь напомнил о себе. В 1985 году группа школьников и учителей из нашего села по туристической путёвке поехала в Украину. В одном из музеев города Кривой Рог неожиданно увидели фотографию своего земляка. Узнать, откуда в музее появилось фото, тогда не удалось. Когда они приехали домой, то рассказали, что видели снимок нашего инзагатуйца.

И спустя почти тридцать лет о Радне Аюшееве вновь заговорили. Недавно улан-удэнец Баир Этагоров, подыскивая в Интернете для своего сайта интересные фотографии, наткнулся на снимок снайпера. Он был представлен на сайте, посвящённом морякам Северного флота. У родных пропавшего в боях моряка вновь появилась надежда узнать что-нибудь о его судьбе.

Юность... Пора золотая... Когда рассматриваю фотографию Радны Аюшеева, мне становится на душе грустно. Честный, чистый юноша, не успев прожить, видел смерть. Он честно дрался с фашистами. Со дня последнего письма от Радны прошло 70 лет. За это время он несколько раз напоминал о себе землякам и родным самым неожиданным, даже в достоянии мере, мистическим образом. Фотографии снайпера часто экспонируются на выставках, находятся в экспозиции ведущих музеев России и зарубежья, стали основой плакатов. В родном селе Радну Аюшеева не забыли. Одной из улиц дали имя снайпера. В школьном музее организовали стенд о знаменитом земляке.

Арюнтая АЧИТУЕВА
ученица 9 класса
с. Инзагатуй
Джидинский район

МЫ НЕ МОЖЕМ
ОБОЙТИ ПАМЯТЬЮ
ИХ ПОКОЛЕНИЕ

Когда началась война, моей бабушке Демидовой Тамаре Дмитриевне (в девичестве Бурлакова) было 4 года, поэтому помнит она не очень много. Знает, что её отец Бурлаков Дмитрий в начале войны ушел на фронт, а мать уже без него родила четвертого ребенка – сына, который жил недолго, заболев корью. Её мама начала работать уборщицей в Доме культуры. Однажды заболела, и у нее украли карточки на продукты. Помог случай: убиралась в клубе и нашла на счастье золотое кольцо, которое продала и семья прожила месяц. Потом она работала на лесозаготовках, пилила дрова. К концу войны её не стали брать в тайгу, так как резко начало падать зрение и в сумерках она совсем перестала видеть. Три раза прабабушке делали операцию, но это не помогло, и в 1946 году она совсем ослепла. Её отправили в дом инвалидов. Её муж вернулся с фронта живым, но в семью не пришел.

По рассказу бабушки, дальнейшая её жизнь сложилась так: «У нас не было бабушки, мама с 9 лет осталась сиротой. И нас – старшую сестру, меня и младшего брата отдали в Кузькинский детский дом № 1 в городе Кяхта. Там я пошла в школу и прожила все школьные годы. Условия были скромные. Помню на столе налитый в чашке рыбий жир и маленький кусочек хлеба. Нас было в детском доме 400 детей. Выдавали нам американскую обувь,

которая через неделю разваливалась. Да и одежда была нарощенная. Были среди детдомовцев и больные туберкулезом. В 1953 году увезли меня в город Улан-Удэ на учебу в железнодорожное училище (ЖДУ), где получила профессию токаря. Сестра моя в 1955 году умерла от менингита. Она уже заканчивала обучение и должна была работать на мясокомбинате. А я по комсомольской путёвке уехала в колхоз им. Жданова Кяхтинского района, где работала на ферме дояркой. Жили с подругами в юрте. Там познакомилась с будущим мужем Демидовым Василием Иосифовичем, который был родом из Усть-Урлука Красночикойского района Читинской области. В 1956 году мы с ним зарегистрировали брак и переехали к нему на родину. В 1970 году по вербовке перекочевали в совхоз Юбилейный (в село Комсомольское, Еравнинский район), где выучили семерых наших детей: четыре сына и три дочери. Две дочери получили педагогическое образование, одна выучилась самой благородной профессией – медицинского работника, а сыновья стали водителями, механизаторами.

За воспитание семерых детей моя бабушка, Тамара Дмитриевна, Указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР в 1971 году, награждена «Медалью материнства» II степени, в 1973 г. «Медалью материнства» I степени. А в 1976 году её наградили орденом «Материнская слава».

Она не только воспитывала детей, но и работала в совхозе «Юбилейный». За многолетний добросовестный труд в 1987 году награждена медалью «Ветеран труда».

Я глубоко уважаю свою бабушку Демидову Тамару Дмитриевну и горжусь, что она выдержала все трудности на своем жизненном пути. Я благодарен ей за то, что вырастила и воспитала всех детей в любви, добрыми, отзывчивыми, трудолюбивыми. Я благодарен ей за моего отца, которого я люблю также как и бабушку.

Егор ДЕМИДОВ
ученик 8 класса,
МБОУ «Комсомольская СОШ»
Еравнинский район

ВОЗДАЙТЕ ДОЛЖНОЕ
ПОДВИГУ

*Было лето и чистое небо сияло вдали,
Было детство*

*и счастье ожидало нас впереди.
Вдруг стало холодно и тревожно в груди,
На родину нашу напали враги.*

*Суровыми стали лица мужей,
Печалью покрылись глаза матерей,
Заскучали, затосковали девичьи сердца
Заплакала горько вокруг детвора.*

*Уходили мужья на войну
Неловко обняв своих жен на ходу,
Не знали, что уходят они навсегда
И больше не увидят своих жен никогда.*

*Уходили мальчишки на войну –
Безусые юнцы со школьной скамьи,
Уходили они, не познав ещё радость
первой любви*

*Провожали их девочки
у школьного порога,
печально глядя на дорогу...*

* * *

*Помните, потомки, этих людей,
Сегодня мудрых стариков
Мужество которых выдержало
вынесло и победило.*

*Помните этих простых женщин –
матерей,*

*Рано овдовевших, рано постаревших,
Так и не дождавшихся с войны*

*сыновей и мужей,
Помните этих малолетних тружеников
колхозных полей*

*И подростков, отцов заменивших
у станков и горячих печей.*

*Помните и постарайтесь
воздать должное подвигу этих людей.*

Дондок Петрович
ТАНГАНОВ
ветеран труда,
дита войны
Улан-Удэ

КАК Я ФРОНТУ ПОМОГАЛА

Мне было девять лет, училась во втором классе. Помню, нам давали норму, чтобы на большой перемене набрать по стакану берёзовых почек для лекарства на фронт, на войну, так как у нас школа была – кругом берёзы. Мы жили в селе Романовка, Еравнинский район. Отца забрали на войну. А чтобы сено накопить, надо лошадей, мама заключила договор, ей дали коня, мама была бригадиром, а трое сыновей – моих братьев у ней в бригаде. Косили очень далеко, надо ехать целый день – это место называлось Харагуйка. А вот я оставалась одна дома, они уезжали на месяц, в течение месяца раз они приезжали за продуктами. Мама придет, спросит, как я тут управляюсь? А у нас была одна корова, четыре козы, пятую они с собой брали, чтобы молоко было свежее, и ещё была чушка. И вот я подою всех, чушку накормлю, и всех выгоню, и они целый день пасутся.

Мы жили в Лензолоте, так называлась деревня наша, очень далеко от центра три километра в школу и столько же до магазина, а наш дом был на самом краю деревни. Потом забрали на фронт брата старшего, он с 26-го года, учился в восьмом классе. Я помню, мама мне наказала: «Зайди к директору, попроси табель». Я помню, постучала к директору, говорю: «Вану забрали на войну» – Иван его звали. Директор дал мне табель. Потом второму брату пришла повестка на войну, он с 27-го года. И вот мы остались втроем. Брат младший, он с 31-го года, пошёл работать – дрова пилил для школы и больницы.

Мама сторожем работала, а я опять одна дома. У нас в войну очень много было волков, по ночам воют, а у соседней была одна корова, жили бедно, и волки корову задавали, прямо в стойке. Так мне мама наказывала: «Как волки завоят, так и выстрели». Так и делала. В ночь два выстрельнешь – они сразу замолкают. А стрелять я научилась от братьев, они стреляли в пятно, я тоже прошу «дай стрельну». Брат говорит: «Вон в то пятно стреляй». Вот я и научилась, потом на охоту ходила. Как Витим растает, утки садятся, где польнь оттаянная. Но это далеко, всё равно мне не достать, а стреляла, мне это нравилось. Потом у брата спрашиваю: «Почему ни одной утки не могу убить?». А он мне говорит: «Надо мушкой утку закрыть и курок нажимать». Вот так я научилась попадать в цель. Но брат ругал меня: «Припуск расстреливаешь». Стал убирать, прятать от меня патроны. Мы сильно голодали. Жевали прутья тальниковые, они такие сладкие, особенно, которые молодые. Мангир полевой копали и ели, лук полевой, саранки ели, они тоже сладкие, за луком ходили далеко по Читинскому тракту, много солили на зиму, с картошкой это был деликатес, очень вкусно, а летом голубицу принесём, мама молоком её заальёт – тоже очень вкусно. Когда война кончилась, сказали, хлеба наедимся досыта. Но мне не верилось. Раньше двести грамм на день давали, так я под язык положу и чай пью, чтоб хлебом пахло во рту. Но зато сейчас живём хорошо, вдвоём со стариком, он болеет, плохо ходит. Ноги откашивают. Вместе 63 года живём, но я всё по дому сама делаю.

Ещё напишу, как я косила сено, когда мы с мамой вдвоём остались. У нас корова была, а мама болела, руки ревматизмом скрутило. Мне уже четырнадцать лет было и ещё мамина подруга тётя Таня, а она не умела отбивать косы, а я умела, научилась от старшего брата. Травы совсем не было, стояла засуха, да ещё саранча напала. Но всяко, по кустам, накосили. На следующий год стала одна косить, сено заготавливать. Трава выросла, шли дожди, а от дома километра четыре было, чтоб домой не ходить, оставалась на ночь одна. Утрами ходить холодно и я ночевала одна, никого не боялась, у меня две шубы было, одну постелю, другой одену и засыпаю, а утром проснусь – благодать: птички чирикают, роса, трава хорошо косится. А к обеду мама принесёт мне покушать молока, хлебушка, в жару испускаюсь в речке и начинаю сено грести, ставить копны.

После войны брат приехал из Улан-Удэ и увёз меня в город, на завод ЛВРЗ. Здесь

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

устроилась крановщицей в кузнечный цех, отработала семь лет, но там сильная загазованность, газу много и я ушла на башенный кран на стройку и там до пенсии работала. Вышла замуж, муж на ЛВРЗ в кузне работал, родила четверых детей. К сожалению, двоих похоронила. Сейчас у нас две дочери, живут отдельно. Мы с дедом вдвоём живём.

Извините за плохой почерк, грамоты у меня три класса. Конечно, всю жизнь на бумаге не напишешь...

До свидания,

**Лидия Алексеевна
ГОМЗЯКОВА (СЕМЁНОВА), 1931 г.р.**
Улан-Удэ, Аршан,
ул. Подлесная, 29, 670024

Вот такой Лида Семёнова в 1954 году приехала в Улан-Удэ на завод поступать. Сходила в парикмахерскую, «одолжила» у брата часы и сфотографировалась родным на память.

ДЕТИ, ВСТАНЬТЕ!..

Отец был прекрасным плотником, столяром. С наступлением весны отремонтировал все по дому, привёл в порядок телеги, конные и детские сани, лодки. Его назначили бригадиром. В колхозе работы прибавилось. Ремонт жилья, скотных дворов, ограда, перепахивать запущенные поля и т.д. У нас завелась корова. Запустили мельницу.

Осенью ребятшек отправили в школу. Из нашей деревни пошли трое, на следующую год – еще трое. Начальная школа находилась в соседней деревне в двух километрах от нашей. Учительницу, как и маму, звали Марией Степановной, раздавала тетрадки из четырех-пяти листов, сшитых из газет. Сидели за столами по двое. Я с соседом Васей вместе сидела с первых дней до окончания десятого класса. В нашем классе около двадцати детей. Учительница в одно время вела уроки с двумя классами – первым и третьим, в соседней комнате другая учительница занималась со вторым и четвертым классами. Уборщица, она же истопница, жила при школе. Чернила делали из красной свеклы, если повезёт – попадетесь огрызок химического карандаша. Из него получались устойчивые красивые фиолетовые чернила. Первые года два после войны в школе выдавался сахарный песок, в продаже его не было и в бумажных кулёчках сахар, около 300 граммов, распределяли детям. Учебников не было. Тетради появились только во втором классе, а учебники в третьем. Учебники были на родном коми языке. Русский язык изучали по самодельным словарикам. Позже я так учил немецкий и другие языки. Учительница давала десяток русских слов, а на следующий день проверяла. Уроки, длинными зимними вечерами, делали при лучинах. Керосиновые лампы появились года через два. Заготовка лучины из березовых поленьев была нашей обязанностью. Дорога в школу шла через лес. Ходили мы одни. Очень не хватало еды, одежды и обуви... Карточная система на продукты ограничивала все. Штаны и рубашки чаще были холщовые, самотканые. Колхоз выращивал лен, его собирали, сушили, вручную обрабатывали до кудели. Затем пряли нитки и ткали на станках, из них наши мамы шили одежду. Оборудование имело почти в каждом доме. Затем эту одежду красили в растворе из коры

ивняка, цвет получался коричневый с оттенками. Корё ивы заготавливали заранее. Из молодого ивняка сдирали полоски шириной три-четыре сантиметра, длиной сколько получится, свертывали и собирали в пучки высотой до полуметра, диаметром до 30 см, затем их сушили. Ивовая кора поджималась в заготовительных пучках. Это был дополнительный источник заработать какие-то деньги. Эту работу с удовольствием выполняли мы, подростки. По осени уроки отменяли, и мы вместе с учителями собирали колосья, копали картошку. На все была норма. На обед мама клала какие-то лепешки, чаще картофельные, щавель для супа, молодые стебли хвоща весной – из них получалось варено типа каши, а весной как только сходил с полей снег, на картофельных полях собирали замерзшую картошку, из неё получали крахмал и варили кисель. Так доживали до ягодо-грибной поры. Первыми ягодами была морошка, затем голубица, черника, смородина, позже брусника. Грибов было много, иные малолетние сборщики не различали поганок и травились. Всего осенью было много, да собирать было некогда. Работа, работа... Народ очень радовался, когда в апреле печатали в газетах постановления о снижении цен. Снижения цен ждали, на 10-15 коп, но какое-то облегчение.

Однажды, в мае 1949 г., к нашему дому подъехала машина и двое в черных шинелях увезли куда-то моего отца, в кузове сидел еще один бывший фронтовик. Так моего отца, коммуниста, участника трех войн арестовали, возможно по наговору, а может быть, что на партсобрании высказал то, что не понравилось начальству. Этой же осенью в конце сентября мы с мамой убирали капусту, брата дома не было, наверно трудился на лесозаготовках. Вся деревня огорода сажала в одном месте, в единой общей ограде. От огорода до нашего дома было около 80 м, срубленную капусту в мешках, кто сколько мог, таскали на плечах. Мама через каждые 20-30 м присаживалась на отдых, что для неё было необычным. Ближе к вечеру я зашел домой, мама лежала под полатями на приступе и говорит мне, мол, принеси таз с теплой водой, нитки и ножницы. Спустила некоторое время я услышал детский крик. Оказывается, мама рожала. Она сказала, что и как делать, я перевязал пуп и отрезал пуповину. Руки у меня тряслись, у брата пуп оказался большеватым. Мама послала меня за соседкой. Пока они убирались, я с братиком возился на печке. Мне запомнились его голубые глаза, и он чихал. Так в свои 10 лет я выполнял роль бабки-повитухи.

В то время приходилось платить большие налоги натурой. Если имел корову, нужно было сдать 200 литров молока, шкуру теленка и 40 кг мяса, также около 100 кг картошки, которую принимали в сухом виде. Если сдавали сушеную картошку выше нормы, то за это платили деньги, мама даже выписывала в колхозе картошку, чтобы больше заработать денег.

В нашей деревне было около 7-8 голов скота, и летом пасли по очереди, эта работа доставалась также нам, ребятишкам. Пасты летом – целое мучение, животные от паутов скрывались вглубь тайги, бывало, что не найдешь. Вечером, после работы мама выводит корову, за неимением другой посуды, свежее молоко заливает в двухлитровый чайник и отправит сдавать на приемный пункт, который находился на центральной усадьбе колхоза, в 2-х километрах. Представьте, в это голодное время, несешь это молоко, нет – нет да и приложишься губами к чайнику, соснешь из него. А чтобы мама не заметила, что сдал молока меньше, из ручейка добавишь в чайник воды. Хорошо если в этот день не проверяют жирность. Если жирность молока ниже нормы, то сдаешь дополнительные литры, а если выше, то норму сдачи сокращали. Поэтому подобные «хитрости» приходилось прекратить. Сколько сдавали молока? Учёт велся строго. Все записывали в специальные книжки,

туда заносили и жирность молока в дни проверок. Много интересного происходило со сдачей картошки. Вся процедура совершалась зимой, в период учебы. Мама рано утром затапливала русскую печь и в чугунах, куда входило 6-7 кг картошки, варила. До отправления в школу эту картошку надо было вычистить. Если брат был дома, то ему тоже доставался чугунок картошки, но это дело ему не нравилось. Я чистил быстрее. Братишка видит, что отстает, и начинает хитрить, куда-то меня отвлечет, и в это время переставит чугунок или пересыплет свою долю в мою посуду. Эту чищенную картошку резали на мелкие куски на противень, которые мама снова засовывала в протопленную печь для сушки. После всей этой процедуры отправлялись в школу.

Через полгода отец вернулся, он больше не стал работать в колхозе и устроился работать в райцентре с. Объячево на убойном пункте скота. Райцентр от нас находился в 18-ти километрах. Через наше село проходила шоссеная дорога, после войны по ней все чаще проезжали грузовые машины, от столицы Коми АССР Сыктывкара до г. Кирова. В кузовах этих машин всегда было полно пассажиров. Так как поля, луга были загорожены, то чтоб проехать, надо было открывать большие жердевые ворота. Летом для нас эти ворота стали источником дохода. Садимся у ворот двое, трое мальчишек, затеваем какие либо игры, ожидаем машин. Услышав звук машины, открываем ворота и кричим: «Деньги, деньги...», почти всегда бросали какую-то мелочь. Монеты зарывались в песок, мы их находили и делили поровну. Это были наши кровные деньги, на них мы могли сходить в кино, или купить конфеты, которые доставались всей семье.

По окончании четвертого класса мы сдавали три экзамена, было интересно писать на чистых листах с какими-то печатями, до сих пор невиданными. Затем эти экзамены сдавали ежегодно, после каждого класса, число предметов увеличивалось, в десятом классе их было около десяти, включая экзамены по немецкому языку и родному языку и литературе.

Семилетняя школа находилась в шести километрах от нас в селе Читаево. Из нашего колхоза посещали более двадцати детей. Уходили в школу в темноте и возвращались ночью, т.к. в наших краях темно раньше – полярные ночи. Только в морозы оставались ночевать в интернате. Весной, в лужах вдоль дорог из голубастиков вырастали лягушки. Эти лягушки и тритоны, часто попадали в сумки девчонок. Там криков и реву не оберешься. Часто мальчишек освобождали от уроков, чтобы для школы пилили и кололи дрова. На уроках физкультуры зимой бегали кросс на лыжах девчонки три км, мальчики – пять. Лыжи были школьные, себе купить лыжи средств не было. Седьмой класс размещался в отдельном доме, в пятидесяти метрах от основного здания школы, и учителя по сугробам ходили к нам. Однажды весной в класс зашла директор школы Мария Павловна, она преподавала литературу. Обычно веселая, в этот раз она была заплаканная, лицо потемневшее. Войдя, она поздоровалась и сказала «Дети, встаньте, умер Великий вождь Сталин...». Волна горя покатила по всем нашим селам. Но жизнь продолжалась. Во время каникул, нам работы прибавилось. Мы начали грести сено, некоторые уже начали косить траву. Я вступил ряды ВЛКСМ.

С учебой в средней школе были проблемы: во-первых, школа находилась в райцентре в восемнадцати километрах, во-вторых, за учебу надо было платить 87 рублей, это были большие деньги. Из нашей деревни учиться пошли мы с Васей, из Читаевского сельсовета семилетку обучать только четверо, хотя семилетку заканчивали 16 учеников, в том числе мы с другом Васей, через год начал учиться еще сосед Алеша. Мы с Алешей жили в интернате, Вася – у отца. Нас было шестеро, остальные дети были из дальних лесопунктов. Нашей хозяйкой была баба Лена, она работала телятницей. Они с сыном Николаем жили на кухне, а мы в зале. Коля учился с нами. Баба Лена была очень доброй, и спустя годы, когда я учился в институте, на заработанные деньги в институте, будучи на каникулах у матери, я ей подарил большой красивый павловопосадский платок. Кроме учебы надо было пилить и колоть дрова для школы, для своего интерната, и для девчонок, проживающих в другом доме.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

По субботам после уроков, мы возвращались домой, чаще пешком. Там помогал маме напилить дров на неделю, а воскресенья шли обратно в школу. С собой на санках тащили пару ведер картошки, часть себе на пропитание, а часть продавали работникам лесопункта, который находился в шести км от нашей деревни. На вырученные деньги мы проживали в интернате. В это время брат учился в городе в ремесленном училище. А отец часто лежал в больнице, его мучили раны, дома бывал редко. А когда я учился в девятом классе, его не стало. Наши братья подарили нам черные шинели, такая форма была в РУ. Мы теперь шиковали. Весной в школе старшеклассники из торфа делали горшки для рассады. Девчонки готовили смесь, а мальчики на специальном станке штамповали горшочки. Каждый должен изготовить около двухсот горшков. На каникулах, летом, я уже был коноводом при косьбе сенокосилкой. Рано утром и поздно вечером косили, так как днем не давали покоя пауты. Днем на точилах точили ножи сенокосилки. Серпом жали рожь, пшеницу. Возили эти снопы на место скирдования. Бригадир давал готовить жерди. Запомнился один эпизод. На каникулах, после девятого класса, меня отправили на сенокос с дядей Сашей. Он был глухонемой. Этот покос находился в шести км от центральной усадьбы. Мы косили, гребли сено, на носилках таскали копны и складывали зарод. Общение было с помощью рук и пальцев. С нами была лошадь, на ней мы завезли продукты, косы, грабли, вилы продукты жили в пологе под шалашом из еловых веток.

Наконец, сдали экзамены. Был скромный выпускной вечер. На руках аттестат зрелости. Куда ехать учиться? Была проблема с документами. Из колхозов не отпускали. С трудом мы с Алексеем добыли какую-то выездную справку и поехали поступать – он в Воркуту, а я - в Ухту. Там у него работал на шахтах старший брат, а в Ухте проживала наша дальняя родственница. Так я покинул свое родное гнездышко.

Ю. А. РУССКИХ

671013, Бурятия, Тункинский район,
п. Монды, ул. Мира, д. 18

Телефоны: домашний 8 (301) 4793024
сотовый 8 (904) 1422249

ХЛЕБ И СОЛЬ

Когда началась Великая Отечественная война, мне не было девяти лет. Папа на фронте, а мама врач в санитарном эшелоне. Мы, дети, эвакуированы в Сибирь. Как нам жилось в эвакуации? Мы приехали в Якутию без всяких документов, хлебные карточки поначалу не положены. Но позднее нас стали отоваривать, в основном, рыбой. Запомнился эпизод. Хлеб по карточкам брали на день вперед и поэтом два дня (последний день месяца и первый следующего) жили без хлеба. Один раз я получила хлеб и шла домой, подростки отняли у меня

РУССКИХ ЮРИЙ АНТОНОВИЧ

Родился 31 августа 1939 г. Его отец – участник финской и Великой Отечественной войны, вернулся домой в конце ноября 1945 г. Вспоминает: «В дом зашли мама и дяденька в шинели. Мама сказала: «Это твой тятя». Отец поднял меня на руки, крепко прижал к подбородку и долго - долго целовал. Когда он спускал меня на пол, я нечаянно зацепился за погон и сорвал его. На погоне были три поперечные полоски, как я узнал позже, - сержантские погоны. От шинели отца пахло каким – то знакомым запахом, я вспомнил ружье брата - это был запах пороховой гари, запах войны, запах фронтовых дорог. Позже зашли еще двое в шинелях, это дяди: брат отца Никита и брат матери Яков, рука у него была забинтована (на него полгода назад пришла похоронка, что он погиб в восточной Пруссии). Дяди жили в соседней деревне. У всех на груди сверкали боевые награды. Их у отца было пять – «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», «За боевые заслуги», «За отвагу» и «За взятие Берлина». Позже приходили еще две медали - наградные листы терялись на дорогах войны. Отец все войны прошел сапером. Несколько раз был ранен. Отец хранил две грамоты от Верховного Главнокомандующего».

эти полбулки и мы с тетей и её двумя детьми и больным мужем остались без крошки хлеба. Это был самый несчастный день в моей жизни. Но было плохо не только с хлебом. Ещё хуже - с солью. И вот однажды наш одноклассник сказал, что его отец и еще двое - трое взрослых едут за солью на машинах. Мы, несколько подростков, тайком от старших, забрались в кузов машины. Было лето, мы легко одетые и босиком, нас никто не хватился. Когда приехали на место, отообедали и стали снимать верх – брезент, все увидели нас, даже оторопели. Накормили, кое – какую одежку достали – на соли же ехать холодно. Когда приехали домой, то весь поселок был в панике, куда мы девались, но зато мы привезли по мешочку крупной соли - лизунца.

С лета 1942 года я работала нянечкой в младшей группе детского сада, а потом и в зимние каникулы и летом, до весны 1945 года.

Мама демобилизовалась только в 1946 году и приехала в Новосибирск к папе. Так как Новосибирск еще оставался режимным городом, то нам послали вызов и мы с сестрой, бабушкой и дедушкой в середине сентября приехали в Новосибирск. Ехали почти два месяца, в воинском эшелоне возвращались солдаты с Восточного фронта, останавливались на всех полустанках, иногда подолгу стояли в тупике. Встречала нас мама, в шинели и синей беретке, вся седая, и мне казалось, что она старушка, хотя ей еще и сорока лет не было. Вся наша семья воссоединилась только в 1947 году, когда привезли младшую сестру. Я окончила среднюю школу в 1950 году и поступила в Томский политехнический институт, окончив который по специальности инженер – технолог силикатного производства в 1955 году по направлению приехала в г. Улан-Удэ на стекольный завод. Сейчас у меня двое взрослых детей, два правнука и три правнучки.

Часто рассказываю один очень важный эпизод из моей жизни, правда, случившийся после войны, но связанный с ней. В декабре (по моему 14 числа) 1947 года отменили хлебные карточки и обменяли деньги (10 рублей на 1 рубль). Так как новых денег еще не видели, мы с сестрой разбили копилку - собаку (мелочь не подлежала обмену) и пошли в хлебный магазин, который располагался в нашем доме на первом этаже. Выбрали и белый, и черный кирпичики и «хало» (плетеная булка), подошли к продавцу. Та позвала заведующую. Спрашивают: откуда у нас деньги. Мы рассказали правду. И что вы думаете? Продавцы рассмеялись и дали нам «французскую» булочку. Бесплатно. Так как и коммерческие цены отменили, мы тут же купили сахар (булка хлеба до отмены карточек стоила 300 рублей), в блюдецце налили воду, насыпали сахару и, отрезав по кусочку хлеба, макали. Правда мы не наелись, но я сестре сказала, что надо остановиться, больше нельзя, вдруг завтра снова хлеб будет по норме. Где-то после обеда пришла мама, принесла две булки хлеба и увидела, что мы уже сыты. А вечером с работы пришел папа, тоже принес хлеба. Пришлось всю историю, случившуюся в магазине, повторять. Мы все четверо обнялись и так сидели до утра - и плакали и смеялись.

Тамара Ивановна ТИТОВА
(в девичестве ЧМУТИНА),
родилась 8 августа 1932 г.
Улан-Удэ

Статьи, воспоминания, поступившие на конкурс «Рассказывают дети войны»

ОПУБЛИКОВАНЫ
В 2014 ГОДУ

Д.С. Аюшеев «Дайнхаа туруухэн»... («Буряад Унэн», 14 апреля 2014 г.)

Ц.Ч. Санжиев «Жэрьен ошоһон жэлнууд»... («Буряад Унэн», 2 июля 2014 г.)

Б. Жигжитов «Ухибуудэй хуби бии». («Буряад Унэн», 22 октября 2014 г.)

Х.Е. Дашеева «Хатуужал гараһан хатуу сагани». («Буряад Унэн», 15 октября 2014 г.)

Ж. Юбухаев «Гурбан эхэйэрэй заяанһаа». («Буряад Унэн», 9 июля 2014 г.)

Сборник воспоминаний «Непридуманные истории военного детства». Совет ветеранов п. Загорск, 2013 г.) (авторы А. Низовцева, Н. Напольских, Ю. Албуткина, Г.Клюжева, В. Андреева, А. Душкина, Л. Петренко, О. Демидова, В. Карбаинов).

К. Фокина «Деточки просыпайтесь»... («Буряад Унэн», 14 ноября 2014 г.)

А. Самигуллина «Три войны за спиной». («Буряад Унэн», 23 января 2014 г.)

Г. Измайлова-Клюжева «Детство было тяжелое». («Буряад Унэн», 31 октября 2014 г.)

Д. Танганов «Детство опаленное войной». («Буряад Унэн», 9 октября 2014 г.)

З. Орленко «Трудились как могли». («Буряад Унэн», 4 февраля 2015 г.)

Д. Абидуева «Наһан соогоо хадагалжа»... («Буряад Унэн», 11 февраля 2015 г.)

А. Белова «Мое военное детство». («Буряад Унэн», 11 февраля 2015 г.)

Д. Баторова «Сестра милосердия». («Буряад Унэн», 21 января 2015 г.)

А. Сарпеев «Спасибо добрым людям». («Буряад Унэн», 25 февраля 2015 г.)

Т. Зарубина «Китманова, Лазарева» («Улан-Удэ», №3, 20 марта 2015 г.)

Совет ветеранов Республики Бурятия выражает благодарность редакторам газет «Буряад Унэн», «Буряад Унэн», «Улан-Удэ», на страницах которых опубликованы конкурсные материалы под рубрикой «Рассказывают дети войны».

Конкурсной комиссией рекомендованы к печати следующие материалы:

Д.П.Танганова «Воздайте должное подвигу»

И.И.Колмакова «Очерк о В.М.Долматовой»

Л.И.Русских «Посвящение своей семье»

А.Ефимова «Подвиг солдата»

С.Сирена «Дети войны»

Н.С.Яковлева «Стихи»

Авторство не указано «Рассказ о Н.И.Чернояровой»

Г.П.Черных «Стихи»

«Моя семья в летописи Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». – Сборник Бунтовской библиотеки. – Составитель Булгаков С.Е. – Багдарин, 2015. – 23 с., илл.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ!

ГАЗЕТА ЖЕРТВ НАЦИЗМА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Л. К. СИНЕГРИБОВ
(Улан-Удэ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Н. А. МАХУТОВ (Москва)
Т.Е. ПОЯТО (Тирасполь)
В.А. ПОЗДНЯКОВ (Московск. обл.)
Л.В. ПУНИНСКАЯ (Минск)
В.Т. РОЩУПКИН (Москва)
Л. Н. ТИМОЩЕНКО
(Даугавпилс)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА
Дмитрий ИВАНОВ (Улан-Удэ)

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Международный союз
бывших малолетних
узников фашизма

РАБОЧИЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ:
101830, г. Москва,
М. Харитоньевский пер., 4.
Тел.: (495) 923-9168
Факс: (495) 135-3097
E-mail: safety@imash.ru

РАБОЧИЙ ЦЕНТР В КИЕВЕ:
Украина, 01103, г. Киев,
ул. Киквидзе, дом 6-а,
помещение 43.
Телефоны (380) 285-64-17

ИЗДАТЕЛЬ:
Региональный общественный
благотворительный фонд
«Газета «Судьба»

АДРЕС:
Россия, Республика Бурятия,
670047, г. Улан-Удэ,
ул. Барнаульская, 60

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Россия, Республика Бурятия,
670047, г. Улан-Удэ,
ул. Барнаульская, 60
Телефон: 8 (3012) 64-47-90
для связи с редактором
8-3012-484610 (с 14 до 17
по московскому времени).
Факс: 8-301-2-45-75-20
E-mail: sudba2009@yandex.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
31112

**ПЕРЕПЕЧАТКА
БЕЗ СОГЛАШЕНИЯ
С РЕДАКЦИЕЙ
НЕ ДОПУСКАЕТСЯ**

ПЕЧАТЬ:
ОАО «Республиканская
типография»
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Борсоева, 13,
тел. 21-37-77.

Подписано в печать
11.04.2015 г.
Время подписания: 08-00
Тираж 1000 экз.
Заказ №1387.

Газета зарегистрирована
Министерством
печати и информации РФ
Регистрационное
свидетельство 0110549

Специальный выпуск
осуществлен
на средства
Совета ветеранов
Республики Бурятия
и Регионального
общественного
благотворительного фонда
«Газета «Судьба»

Ответственность
за содержание публикации
материала несут авторы.

Просьба к читателям,
рассчитывающим
на переписку с редакцией:
в своем письме высылать
конверт с обратным адресом.
Рукописи не возвращаются.